

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

ВЕДЬМАК

МЕЧ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

Ведьмак

Анджей Сапковский
Меч Предназначения

«Издательство АСТ»

1992

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Меч Предназначения / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
1992 — (Ведьмак)

Ведьмак – это мастер меча и мэтр волшебства, ведущий непрерывную войну с кровожадными монстрами, которые угрожают покою сказочной страны.
«Ведьмак» – это мир на острие меча, ошеломляющее действие, незабываемые ситуации, великолепные боевые сцены. Читайте продолжение саги о Ведьмаке!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

© Сапковский А., 1992
© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Предел возможного	6
Осколок льда	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анджей Сапковский

Меч предназначения

Andrzej Sapkowski
MIECZ PRZEZNACZENIA

© Andrzej Sapkowski
© Перевод. Е. Вайсброт, наследники
© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предел возможного

1

– Повторяю: он оттуда не выйдет, – убежденно сказал прыщавый, качая головой. – Уже час с четвертью, как залез. Ему конец.

Столпившиеся у развалин жители молчали, уставившись на чернеющее в руинах отверстие – заваленный камнями вход в подземелье. Толстяк в желтой суконной куртке переступил с ноги на ногу, кашлянул, снял с головы берет.

– Погодим еще, – сказал он, вытирая пот с реденьких бровей.

– А чего годить-то? – фыркнул прыщавый. – Там в подвалах он и сидит, василиск-то, аль забыли, солтыс? Кто войдет, тому и конец. Мало людей, что ль, погибало? Чего ждать-то?

– Мы ж договаривались, – неуверенно проворчал толстяк. – Как же так?

– С живым договаривались-то, солтыс, – проговорил спутник прыщавого, гигант в кожаном фартуке резника. – А теперича он мертв, это уж как пить дать. Сызначала было ведомо, на смерть идет, как и другие до него. Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала – знамо дело – василиска не прибьешь.

– Считайте, сэкономили гроши, – добавил прыщавый. – Потому как платить за василиска теперь некому. Идите спокойно домой. А коня и колдуньино хозяйство мы возьмем, не пропадать же добру.

– Оно, конечно, так, – сказал резник. – Упитанная кобыла, да и выюки плотно набиты. Глянем, что внутри.

– Как же так? Разве ж можно?

– Молчите, солтыс, и не встревайте, а то шишку заработаете, – предостерег прыщавый.

– Упитанная кобылка-то, – повторил резник.

– Оставь коня в покое, дорогуша.

Резник медленно обернулся к чужаку, который вышел из-за излома стены, из-за спин людей, скопившихся вокруг входа в подземелье.

У чужака были густые выющиеся каштановые волосы, коричневая накидка поверх посаженного на вату кафтана, высокие сапоги верхового. И никакого оружия.

– Отойди от коня, – повторил он, ядовито усмехаясь. – Это как же? Чужой конь, чужая собственность, а ты уставился на нее своими слезящимися глазенками, тянешься к ней паршивой лапой? Это порядок?

Прыщавый, медленно засовывая руку за пазуху куртки, глянул на резника. Резник кивнул, указал головой на группку, из которой вышли еще двое. Плотные, стриженные. У обоих в руках дубинки, которыми на бойнях оглушают животных.

– Это кто ж ты такой, – спросил прыщавый, не вынимая руки из-за пазухи, – чтобы указывать нам, что порядок, а что нет?

– А тебе какое дело, дорогуша?

– Оружия не носишь?

– Верно. – Чужак усмехнулся еще ядовитее. – Не ношу.

– А зря. – Прыщавый вытащил руку из-за пазухи. В руке был длинный нож. – Вовсе даже зря не носишь-то.

Резник тоже вытащил нож, похожий на охотничий. Те двое шагнули вперед, поднимая дубинки.

– А мне как-то ни к чему, – сказал чужак, не двигаясь с места. – Мое оружие ходит следом.

Из-за развалин, мягко, уверенно ступая, вышли две девушки. Толпа незамедлительно расступилась, попятилась, поредела.

Девушки улыбались, сверкая зубами, щуря глаза, от уголков которых к ушам бежали широкие синие полосы татуировки. Мускулы играли на крепких бедрах, вырисовывающихся под рысьими шкурами, и на нагих круглых предплечьях повыше перчаток из кольчужной сетки. За спинами, тоже прикрытыми кольчужкой, торчали рукояти сабель.

Прыщавый постепенно, медленно согнул ноги в коленях, упустил нож на землю.

Из дыры в развалинах донесся грохот камней, скрежет, затем из тьмы вынырнули две руки, вцепившиеся в выщербленный край стены. Вслед за руками появилась голова с белыми, припорошенными кирпичной пылью волосами, затем бледное лицо и наконец рукоять меча, выступающая над плечом. Толпа шумела.

Белоголовый, горбатясь, вытащил из дыры удивительное существо – странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ящерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах.

– Василиск, – произнес белоголовый, отряхивая брюки от пыли. – Как договаривались. Извольте мои двести линтаров. Настоящих линтаров, не шибко фальшивых! Предупреждаю – проверю.

Солтыс дрожащими руками извлек мешочек. Белоголовый осмотрелся, на мгновение задержал взгляд на прыщавом, на валяющемся у его ног ноже, потом перевел взгляд на мужчину в коричневой накидке, на девушек в рысьих шкурах.

– Как всегда, – сказал он, принимая кошель из дрожащих рук солтыса. – Я для вас жизнью рискую ради паршивых денег, а вы тем временем подбираетесь к моим вещичкам. Никогда, пропади вы пропадом, не изменитесь.

– Мы не трогали, – забормотал резник, пятась. Двое с дубинками уже давно растворились в толпе. – Не трогали мы ваши вещи, милсдарь.

– Весьма рад, – усмехнулся белоголовый. При виде его улыбки, расцветающей на бледном лице как распускающаяся роза, толпа стала быстро рассеиваться. – И потому, братец, я тебя тоже не трону. Иди с миром. Только быстро.

Прыщавый, пятась, собрался бежать. Прыщи неприятно выделялись на его побледневшей физиономии.

– Эй, погоди-ка, – бросил ему человек в коричневой накидке. – Ты кое о чем забыл.

– О чем, милсдарь?

– Ты поднял на меня нож.

Одна из девушек, та, что повыше, вдруг качнулась на широко расставленных ногах и развернулась. Сабля, выхваченная неведомо когда, резко просвистела в воздухе. Голова прыщавого взмыла и по крутой дуге упала в зияющий провал, ведущий в подземелья. Тело быстро и тяжело, как срубленный ствол, рухнуло в кирпичный бой. Толпа ахнула. Вторая девушка, держа руку на рукояти сабли, ловко обернулась, защищая тыл. Это было ни к чему. Люди, спотыкаясь и кувыркаясь на развалинах, мчались что было сил к городку. Впереди внушающими уважение прыжками неся солтыс, всего на несколько сажен опережая огромного резника.

– Прекрасный удар, – холодно прокомментировал белоголовый, рукой в черной перчатке прикрывая глаза от солнца. – Прекрасный удар зерриканской саблей. Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц. Я – Геральт из Ривии.

– А я, – незнакомец в коричневой накидке указал на грудь, где красовался выцветший герб в виде трех черных птиц, сидящих рядом на однотонном золотом поле, – Борх по прозвищу Три Галки. А это мои девочки, Тэя и Вэя. Так их называю я, об их настоящие имена можно язык сломать. Обе, как вы догадались, зерриканки.

– Если б не они, я, похоже, остался бы и без коня, и без имущества. Благодарю вас, воительницы. Благодарю и вас, благородный господин Борх.

– Три Галки. И никаких господ. Тебя что-нибудь держит в здешних краях, Геральт из Ривии?

– Отнюдь.

– Прекрасно. Предлагаю: тут неподалеку, на перекрестье дороги к речному порту, есть трактир, «Под Задумчивым Драконом» называется. Тамошней кухне нет равных на сто верст окрест. Я как раз направляюсь туда перекусить и заночевать. Буду рад, если составишь компанию.

– Борх, – белоголовый отвернулся от коня, глянул в светлые глаза незнакомца, – не хочу, чтобы между нами вкралась какая-либо неясность. Я – ведьмак.

– Догадываюсь. А произнес ты это так, будто сообщил: я – прокаженный.

– Встречаются и такие, – медленно проговорил Геральт, – что предпочитают компанию прокаженных обществу ведьмака.

– Есть и такие, – засмеялся Три Галки, – которые предпочитают овец девушкам. Что ж, им можно только посочувствовать. И тем и другим. Повторяю предложение.

Геральт снял перчатку, пожал протянутую ему руку.

– Принимаю. Рад знакомству.

– Ну так в путь. Я голоден как волк.

2

Трактирщик протер тряпкой шершавые доски стола, поклонился и улыбнулся. У него не доставало двух передних зубов.

– Та-а-ак. – Три Галки какое-то время разглядывал закопченный потолок и копошащихся под ним пауков. – Та-а-ак... Для начала... Для начала пиво. Ну, чтобы дважды не ходить, полный бочонок. А к пиву... Что можешь предложить к пиву, дорогуша?

– Сыр? – рискнул трактирщик.

– Не-а, – поморщился Борх. – Сыр будет на десерт. К пиву надо бы что-нибудь кисленького и остренького.

– Тогда так. – Трактирщик улыбнулся еще шире. Два передних зуба были не единственными, которых у него не доставало. – Угорьки с чесноком в масле и уксусе либо маринованные стручки зеленого перца.

– Порядок. И то и другое. А потом суп, такой, как я когда-то тут едал, в нем еще плавали разные там улиточки, рыбки и другая шикарная дрянь.

– Уха плотогонов?

– Во-во. А потом печенку с яичницей и луком. А потом кучу раков. Укропу засыпь в котел сколько влезет. А потом сыр и салат. А потом... ну, там видно будет.

– К вашим услугам. Для всех? Четыре раза, стало быть?

Зерриканка что повыше отрицательно покачала головой, многозначительно похлопала себя по талии, обернутой плотно прилегающей льняной рубашкой.

– Забыл! – Три Галки подмигнул Геральту. – Девочки блюдут линию. Хозяин, печенку только для нас. Пиво давай сразу, вместе с угорьками. С остальным маленько повремени, чтоб не стыло. Мы пришли не обжираться, а просто провести время в приятной беседе.

– Понято. – Трактирщик снова поклонился.

– Расторопность – важная штука в твоём деле. Давай руку, дорогуша.

Звякнули золотые монеты. Трактирщик разинул рот до предела возможного.

– Это не аванс, – сообщил Три Галки. – Это за понятливость. А теперь жми на кухню, парень.

В эркере было тепло. Геральт расстегнул пояс, сбросил кафтан и закатал рукава рубахи.
– Похоже, – сказал он, – ты не страдаешь отсутствием наличных. Живешь привилегиями рыцарства?

– Частично, – усмехнулся Три Галки, не входя в детали. – Частично.

Быстро управились с угорьками и четвертью бочонка. Зерриканки тоже не скромничали, явно повеселели и начали перешептываться. Взя, та, что повыше, вдруг рассмеялась.

– Девочки говорят на всеобщем? – тихо спросил Геральт, косясь на них краешком глаза.

– Слабо. И не болтливы. Что похвально. Ну как тебе суп, Геральт?

– Угу...

– Выпьем?

– Угу...

– Геральт, – Три Галки отложил ложку и воспитанно рыгнул, – вернемся ненадолго к нашему дорожному разговору. Я понял, что ты, ведьмак, путешествуешь с одного конца света на другой, а по пути, если попадется какое-нибудь чудовище, убиваешь. И на это живешь. В том и состоит ведьмачья профессия?

– Более-менее.

– А случается, что тебя специально куда-нибудь вызывают? Ну, скажем, по особому заказу. И ты едешь и выполняешь?

– Зависит от того, кто вызывает и зачем.

– И за сколько?

– Тоже верно. – Ведьмак пожал плечами. – Все дорожает, а жить надо, как говаривала одна моя знакомая колдунья.

– Довольно четкий подход, я бы сказал, очень практичный. А ведь в основе лежит какая-то идея, а, Геральт? Конфликт сил Порядка с силами Хаоса, как говаривал один мой знакомый колдун. Полагаю, ты выполняешь некую миссию, защищаешь людей от зла всегда и везде. Без разбора. Стоишь по четко определенную сторону... частокола.

– Силы Порядка, силы Хаоса. Какие громкие слова, Борх. Тебе обязательно надо поставить меня по какую-то сторону частокола в конфликте, который, как считается, извечен, начался задолго до нас и продлится, когда нас уже не будет. На чьей стороне стоит кузнец, когда подковывает коней? Или наш трактирщик, который уже мчится сюда с чугуном баранины? Что, по-твоему, определяет границу между Хаосом и Порядком?

– Все очень просто. – Три Галки посмотрел ему в глаза. – Хаос есть угроза, сторона агрессивная, Порядок же – сторона, которой угрожают, требуя защиты. Давай выпьем. И возьмемся за агнца.

– Верно!

Блюдущие линию зерриканки устроили перерыв, который в ускоренном темпе заполнили пивом. Взя, наклонившись к плечу подруги, снова что-то шепнула, касаясь косичкой столешницы. Тэя, та, что пониже, громко рассмеялась, весело прищулив татуированные веки.

– Да, – сказал Борх, обглаживая кость. – Продолжим беседу, если не возражаешь. Я понял, ты не стремишься встать на сторону какой-либо из Сил. Просто делаешь свое дело.

– Делаю.

– Но от конфликта между Хаосом и Порядком не убежишь. Ты – не кузнец, хоть и использовал такое сравнение. Я видел, как ты работаешь. Входишь в подземелье в руинах и выносишь оттуда усекновенного василиска. Есть, дорогуша, разница между подковыванием лошадей и уничтожением василисков. Ты сказал, что за соответствующую плату помчишься на край света и прикончишь чудовище, на которое тебе укажут. Предположим, свирепого дракона, опустошающего...

– Неудачный пример, – прервал Геральт. – Видишь ли, ты с самого начала напутал с Хаосом и Порядком. Драконов, которые, несомненно, представляют Хаос, я не убиваю.

– Как же так? – Три Галки облизнул пальцы. – Чего это вдруг? Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну, девиц, ежели такие найдутся. Мало, что ли, рассказов слышал? Не может быть, чтобы ты, ведьмак, не записал на свой счет парочку драконов.

– Я не охочусь на драконов, – сухо сказал Геральт. – Вилохвостов, ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже – зеленых, черных, красных. Прими это к сведению, и все тут.

– Ты меня удивил, – сказал Три Галки. – Ну ладно, принял к сведению. Впрочем, повременим с драконами, я вижу на горизонте нечто красное, это, несомненно, наши раки. Выпьем!

Они с хрустом рвали зубами красные панцири, высасывали белое мясо. Сильно щекочущая губы соленая вода бежала даже по кистям рук. Борх наливал пиво, уже задевая черпаком дно бочонка. Зерриканки еще больше развеселились, зыркали глазами по трактиру, зловеще ухмыляясь, ведьмак был уверен, что они ищут повода учинить скандал. Три Галки тоже, видимо, это заметил, потому что вдруг пригрозил им раком, взятым за хвост. Девушки захихикали, а Тэя, выпятив губки будто для поцелуя, сделала глазки – при ее татуированной физиономии картинка была довольно жутенькая.

– Дикие, ну прям лесные коты, – буркнул Три Галки. – За ними нужен глаз да глаз. У них, дорогуша, раз-два – и на полу куча кишок. Но стоят любых денег. Если бы ты знал, на что они способны...

– Знаю, – кивнул Геральт. – Лучшего эскорта не сыскать. Зерриканки – прирожденные воины, их с детства натаскивают на драку.

– Я не о том. – Борх сплюнул на стол рачью лапку. – Я имел в виду, какие они в постели.

Геральт беспокойно глянул на девушек. Обе улыбались. Взя молниеносным, почти незаметным движением потянулась к тарелке. Глядя на ведьмака прищуренными глазами, с хрустом разгрызла панцирь. Ее губы блестели от соленой воды. Три Галки опять громко рыгнул и сказал:

– Итак, Геральт, на драконов ты не охотишься, ни на зеленых, ни на черных, ни на красных. Принял к сведению. А почему, позволь поинтересоваться, только на эти три цвета?

– Четыре, если быть точным.

– Ты упоминал три.

– Тебя интересуют драконы, Борх? Есть какая-то особая причина?

– Нет, просто любопытство.

– Угу. А что до цветов, то так принято классифицировать истинных драконов. Хотя это и не совсем точно. Зеленые драконы, самые распространенные, скорее серые, как обычные ослизги. У красных фактически красноватый или кирпичный цвет. Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными. Самые редкие – белые драконы, мне такой никогда не встречался. Они держатся далеко на севере. Якобы.

– Интересно. А знаешь, о каких драконах я еще слышал?

– Знаю. – Геральт отхлебнул пива. – О тех же, о которых слышал и я. О золотых. Таких нет.

– Почему ты так утверждаешь? Только потому, что никогда не видел? Белого ты тоже не видел.

– Не в том дело. За морями, в Офире и Зангвебаре, есть белые лошади в черную полосу. Их я тоже никогда не видел, но знаю, что они существуют. А вот золотой дракон – существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает.

Взя, поставив локти на стол, с интересом глядела на него.

– Надо думать, ты знаешь, о чем говоришь. Ты же ведьмак. – Борх набрал пива из бочки. – Однако, я думаю, у каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит.

– Лежит, – согласился Геральт. – Чаше всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет предела возможному. А иногда – случай.

– Именно что случай. Может, когда-то и был золотой дракон, единичная, неповторимая мутация?

– Если и так, то его постигла судьба всех мутантов, – отвернулся ведьмак. – Он чересчур отличался от других, чтобы выжить.

– Ха! – произнес Три Галки. – Теперь ты противоречишь законам природы, Геральт. Мой знакомый колдун говаривал, что в природе у каждого существа есть продолжение, и оно, существо, стало быть, выдюжит тем или иным образом. Конец одного – это начало другого, нет предела возможному, во всяком случае, природе таковые не знакомы.

– Крупным оптимистом был твой знакомый колдун. Только одного он не принял во внимание: ошибки, которую совершила природа. Или те, кто с ней играл. Золотой дракон и другие подобные мутанты если и существовали, то сохраниться не могли. Ибо мешала тому сама природа, предел возможного.

– Что еще за предел?

– Мутанты, – на скулах Геральта заиграли желваки, – мутанты стерильны, Борх. Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного.

Три Галки молчал. Геральт взглянул на девушек, на их вдруг посерьезневшие лица. Вэя неожиданно наклонилась к нему, охватила его шею жесткой мускулистой рукой, прикоснулась к щеке губами, влажными от пива.

– Любят они тебя, – медленно проговорил Три Галки. – Пусть меня скособочит, они тебя любят!

– Что тут странного? – грустно улыбнулся ведьмак.

– Ничего. Но это надо обмыть. Хозяин! Еще бочонок!

– Куда ты! Ну, разве что кувшин.

– Два кувшина! – рявкнул Три Галки. – Тэя, я на минуточку выйду.

Зерриканка встала, подняла с лавки саблю, окинула зал тоскливым взглядом. Хоть до того, как заметил ведьмак, несколько пар глаз хищновато разгорелись при виде пухлого кошеля, никто не решился выйти вслед за Борхом, нетвердой походкой направлявшимся к выходу во двор. Тэя пожала плечами и последовала за работодателем.

– Как тебя по-настоящему зовут? – спросил Геральт оставшуюся за столом Вэю. Девушка сверкнула белыми зубами. Рубаха у нее была расшнурована почти до пределов возможного. Ведьмак не сомневался, что это очередной вызов залу.

– Альвэаэнрле.

– Красиво. – Ведьмак был уверен, что зерриканка сложит губки бантиком и подмигнет. И не ошибся. – Вэя?

– А?

– Почему вы ездите с Борхом? Вы, свободные воительницы? Ты можешь ответить?

– Хм...

– Что «хм»?

– Он... – Зерриканка собрала лоб в складки, пытаясь отыскать слово. – Он... самый... красивый.

Ведьмак кивнул. Критерии, на основании которых женщины оценивали привлекательность мужчин, не впервой ставили его в тупик.

Три Галки ввалился в эркер, на ходу застегивая штаны и громко отдавая распоряжения трактирщику. Державшаяся в двух шагах позади Тэя, прикидываясь утомленной, осматривала залу, купцы и плотогоны старательно избегали ее взглядов. Вэя высасывала очередного рака, то и дело бросая на ведьмака многозначительные взгляды.

– Я заказал еще по угрю, теперь жареному. – Три Галки тяжело опустился на стул, позвякивая незастегнутым поясом. – Намучился я с этими раками и вроде бы проголодался. И договорился тут для тебя о ночлеге. Какой смысл тащиться ночью. Еще повеселимся. Ваше здоровье, девочки.

– Vessekheal, – сказала Вэя, подняв кубок. Тэя подмигнула и потянулась, при этом ее захватывающий дух бюст, против ожиданий Геральта, не разорвал рубаху.

– Повеселимся. – Три Галки перегнулся через стол и шлепнул Тэю по заду. – Повеселимся, ведьмак. Эй, хозяин, а ну жми сюда!

Трактирщик быстро прибежал, вытирая руки фартуком.

– Бадья у тебя найдется? Такая, для стирки, крепкая и большая?

– Сколь большая, господин?

– На четверых...

– На... четверых... – Трактирщик разинул рот.

– На четверых, – сказал Три Галки, вынимая из кармана пухлый мешочек.

– Найдется, – облизнулся трактирщик.

– Ну и чудно, – рассмеялся Борх. – Вели отнести ее наверх в мою комнату и наполнить горячей водой. Быстро, дорогуша. И пива вели тоже туда отнести, три кувшина.

Зерриканы захохотали и одновременно подмигнули.

– Которую хочешь? – спросил Три Галки. – Ну? Которую?

Ведмак поскреб затылок.

– Знаю, трудно выбрать, – с пониманием сказал Три Галки. – Я и сам порой колеблюсь. Ладно, разберемся в бадье. Эй, девочки! Помогите подняться по лестнице!

3

На мосту был заслон. Дорогу перегораживало длинное крепкое бревно, лежащее на деревянных козлах. Перед ним и за ним стояли алебардисты в кожаных, украшенных шишками куртках и островерхих шлемах с прикрывающими шею кольчугами. Над дорогой лениво шевелилось пурпурное полотнище со знаком серебряного грифа.

– Что за черт? – удивился Три Галки, шагом подъезжая к бревну. – Проезда нет?

– Грамота есть? – спросил стоявший ближе других алебардист, не вынимая изо рта прутик, который жевал то ли с голоду, то ли ради того, чтобы убить время.

– Какая грамота? Что такое, мор, что ли? Иль война? Кто приказал перекрыть дорогу?

– Король Недамир, властитель Каингорна. – Стражник перебросил прутик в другой угол рта и указал на хоругвь. – Без грамоты в горы не можно.

– Идиотизм какой-то, – сказал Геральт утомленным голосом. – Здесь же не Каингорн, а Голопольские владения. Голополье, а не Каингорн взымает пошлину с мостов через Браа. При чем тут Недамир?

– Не ко мне вопрос. – Стражник выплюнул прутик. – Не мое дело. Мне только грамоту проверить. Хотите – говорите с десятником.

– А где он?

– Вона там, за хозяйством сборщика пошлины на солнышке греется, – сказал алебардист, глядя не на Геральта, а на голые бедра зерриканок, лениво потягивающихся в седлах.

За домом сборщика пошлины на сохнувших бревнах сидел стражник, концом древка алебарды выводящий на песке женщину, вернее, ее фрагмент в весьма своеобразном ракурсе. Рядом, нежно касаясь струн лютни, полулежал худощавый мужчина в надвинутой на глаза фантазийной шапочке сливового цвета, украшенной серебряной пряжкой и длинным, нервно покачивающимся пером цапли.

Геральту были знакомы и эта шапочка, и это перо, известные от Буйны до Яруги в замках, молельнях, на постоянных дворах, в корчмах и борделях. Особенно в борделях.

– Лютик!

– Ведьмак Геральт! – Из-под сдвинутой шапочки выглянули веселые синие глаза. – Надо же! И ты здесь? У тебя, случайно, грамоты нет?

– Да что вы все носитесь с этой грамотой? – соскочил с седла ведьмак. – Что тут происходит, Лютик? Мы хотели перебраться на другой берег Браа, я, рыцарь Борх Три Галки и наше сопровождение. И, оказывается, не можем.

– Я тоже не могу. – Лютик встал, снял шапочку, с преувеличенной учтивостью поклонился зерриканкам. – Меня тоже не желают пропустить на другой берег. Меня, Лютика, известнейшего в радиусе тысячи верст менестреля и поэта, не пропускает этот вот десятник, тоже, как видите, жрец искусства.

– Никого без грамоты не пушу, – понуро проговорил десятник, после чего дополнил рисунок последней, завершающей деталью, ткнув концом древка в песок.

– Ну и лады, – сказал ведьмак. – Проедем левым берегом. Правда, так до Хенгфорса дорога будет подальше, но что делать, на нет и суда нет.

– До Хенгфорса? – удивился бард. – Так ты, Геральт, не с Недамиром едешь? Не за драконом?

– За каким таким драконом? – заинтересовался Три Галки.

– Не знаете? Нет, серьезно? Ну, так надо вам обо всем рассказать, господа хорошие. Я все равно тут жду, может, проедет с грамотой кто-нибудь из тех, кто меня знает, и позволит присоединиться. Присаживайтесь.

– Сейчас, – сказал Три Галки. – Солнце на три четверти от зенита, а у меня жажда, мочи нет. Не болтать же на сухую. Тэя, Вэя, вернитесь-ка рысью в городок и купите бочонок.

– Вы нравитесь мне, господин...

– Борх по прозвищу Три Галки.

– Лютик, именуемый Несравненным. Некоторыми девушками.

– Рассказывай, Лютик, – нетерпеливо бросил ведьмак. – Не торчать же тут до вечера.

Бард ухватил пальцами гриф лютни, резко ударил по струнам.

– Как предпочитаете, стихотворной речью или нормальной?

– Нормальной.

– Извольте. – Лютик тем не менее не отложил лютни. – Послушайте же, благородные господа, что случилось неделю тому непоодаль города вольного, Голопольем нареченного. Так вот, ранним утром, едва поднимающееся солнышко зарумянило висящие над полями и лугами покровы туманов...

– Ведь решили – нормальной! – напомнил Геральт.

– А разве нет? Ну ладно, ладно. Понимаю. Кратко, без метафор. На пастбища под Голопольем повадился прилетать дракон.

– Э-э-э, – протянул ведьмак. – Что-то не верится. Уж сколько лет никто в тех местах не видывал драконов. А не был ли это обычный ослизг? Попадаются ослизги почти такие же большие...

– Не обижай, ведьмак. Я знаю, что говорю. Видел. Понимаешь, мне повезло, я как раз был в Голополье на ярмарке и видел все своими глазами. Баллада уже готова, но вы не хотели...

– Рассказывай. Большой был?

– В три конских тулова. В холке не выше лошади, но гораздо толще. Серый, как песок.

– Зеленый, стало быть.

– Ну да. Прилетел неожиданно, свалился прямо на отару овец, разогнал пастухов, задавил с дюжину животных, четырех зарезал и улетел.

– Улетел... – Геральт покачал головой. – И все? Конец?

– Не конец. На следующее утро прилетел снова, теперь уже поближе к городку. Спикировал на группу баб, стиравших белье на берегу Браа. Ух и драпали же они! В жизни своей так не смеялся. А дракон проделал три круга над Голополем и полетел на пастбища, там снова взялся за овец. Тут-то и началась паника и неразбериха, потому как до того мало кто верил пастухам. Ипат скликал местную милицию и цеховиков, но не успели они собраться, как народ взял дело в свои руки и прикончил дракона.

– Как?

– Весьма народным способом. Местный сапожник, Козоед, придумал, как доконать гадину. Забили овцу, напихали в нее чемерицы, волчьей ягоды, собачьей петрушки, серы и сапожного дегтя. Для верности местный аптекарь влил две кварты своей микстуры от чирьяков, а богослужитель из святилища Кревы прочитал над всей этой пакостью молитву. Потом поставили приготовленную таким образом овечку посреди стада и подперли колышками. По правде говоря, никто не верил, что дракон клюнет на это за версту смердящее дерьмо, но реальность превзошла все ожидания. Не удостоив вниманием живых и блеющих овечек, гад заглотал приманку вместе с колом.

– И что? Ну же, Лютик, говори.

– А я что? Ну вот. Прошло ровно столько времени, сколько требуется сноровистому мужику, чтобы расшнуровать дамский корсет, и дракон как примется рычать да пускать дымы передом и задом, подпрыгивать да пытаться взлететь. Потом вдруг словно бы осовел и замер. Двое добровольцев отправились проверить, дышит ли еще отравленный гад, – местный могильщик и здешний дурачок, зачатый чокнутой дочкой дровосека и ротой кнехтов, проходивших через Голополе еще во времена правления воеводы Щукобоба.

– Ох и заливаешь ты, Лютик!

– Не заливаю, а украшаю, а это разные вещи.

– Почти. Рассказывай, время уходит.

– Итак, как я сказал, могильщик и храбрый идиот отправились на разведку. Потом мы насыпали над ними небольшой, но радующий глаз курганчик.

– Так, – сказал Борх. – Стало быть, дракон еще жил?

– Эге, – весело сказал Лютик. – Жил. Но так ослаб, что не сожрал ни могильщика, ни полуидиота, а только слизал с них кровь. А потом, ко всеобщему удивлению, улетел, поднявшись с немалым трудом. Взлетит локтей на полтора – и хрясть об землю, да с грохотом, потом взлетит снова. Иногда брел, волоча лапы. Те, что посмелее, пошли за ним следом, не теряя его из виду. И знаете что?

– Ну, Лютик?

– Дракон скрылся в ущельях Пустульских гор, в районе истоков Браа, и как в воду канул в тамошних пещерах.

– Все ясно, – сказал Геральт. – Дракон, вероятно, спал в тех пещерах несколько столетий летаргическим сном. Слышал я о таких случаях. Там же скорее всего хранятся его сокровища. Теперь понятно, почему алебардисты блокируют мост. Кому-то не терпится наложить лапу на его богатства. А этот «кто-то» – Недамир из Каингорна.

– Точно, – подтвердил трубадур. – Голополе аж бурлит, потому как там считают, что дракон и сокровища принадлежат им. Но боятся поссориться с Недамиром. Недамир – сопляк, еще даже бриться не начал, а уже успел показать, что с ним ссориться не с руки. А дракон, видать, ему потребен до зарезу, потому-то он так быстро и среагировал.

– Ты хотел сказать, не дракон, а сокровища.

– В том-то и дело, что больше дракон, чем сокровища. Потому что, понимаете, Недамир положил глаз на соседнее княжество, Маллеору. Там после неожиданной и странной смерти князя осталась княжна в возрасте, я бы сказал так: предпостельном. Вельможи из Маллеоры с неприязнью смотрят на Недамира и других претендентов, потому как знают, что новый вла-

стителю быстренько их обуздает, не то что малолетняя княжна. Вот они и раскопали где-то старое и пылью покрытое предсказание, будто митра и рука девушки положены тому, кто победит дракона. Поскольку дракона здесь никто давным-давно не видел, постольку все думали, что могут спать спокойно. Ясное дело, Недамир начихал бы на легенду и взял Маллеору силой, но когда разошлась весть о Голопольском драконе, он сообразил, что может побить маллеорских дворян их собственным оружием. Явись он с драконьей башкой в руках, народ встретил бы его как ниспосланного богами монарха, а вельможи не посмели бы и пикнуть. И после сказанного вы еще удивляетесь, что Недамир помчался за драконом, как кот с полным пузырем? К тому же за таким драконом, который уже и так еле ноги волочит? Для него это чистый подарок, улыбка судьбы, черт бы его побрал.

– А дороги перекрыл от конкурентов.

– Пожалуй. И от голопольцев. Но при этом по всей округе разослал конных с грамотами, адресованными тем, кто должен дракона прихлопнуть, потому как Недамир не горит желанием лично лезть в пещеру с мечом. Мигом собрали самых известных драконьеров. Многие тебе, вероятно, знакомы, Геральт.

– Возможно. Кто приехал?

– Эйк из Денесле – это раз.

– Скажите... – Ведьмак тихо свистнул. – Богобоязненный и добродетельный Эйк, рыцарь без страха и упрека, собственной персоной.

– Ты его знаешь, Геральт? – спросил Борх. – Он что, действительно такой спец по драконам?

– Не только по драконам. Эйк управится с любым чудовищем. Он убивал даже мантихоров и грифов. Говорят, прикончил нескольких драконов. Силен рыцарь. Но здорово портит мне дело, курицын сын, потому как даже денег не берет. Кто еще, Лютик?

– Рубайлы из Кринфрида.

– Ну, значит, дракону конец. Даже если он выкарабкался. Эта троица – та еще банда, дерутся не часто, но эффективно. Вымордовали всех ослизгов и вилохвостов в Редании, а попутно покончили с тремя красными и одним черным драконом, а это уже говорит о многом. Ну, все?

– Нет. Присоединилась шестерка краснолюдов под командой Ярпена Зигрина.

– Его не знаю.

– Но о драконе Оквисте с Кварцевой горы слышал?

– Слышал. И видел камни из его сокровищницы. Были там сапфиры редчайшего оттенка и алмазы размером с черешню.

– Ну так знай, именно Ярпен Зигрин и его краснолюды уделали Оквиста. Об этом была сложена баллада, но слабенькая, не моя. Ежели не слышал, ничего не потерял.

– Все?

– Да. Не считая тебя. Ты утверждал, будто не знаешь о драконе, может, и верно. Ну, теперь знаешь. И что?

– А ничего. Дракон меня не интересует.

– Ха! Хитер, Геральт. Все равно грамоты-то у тебя нету.

– Повторяю, дракон меня не интересует. А ты, Лютик? Тебя-то что так тянет в те края?

– А как же иначе? – пожал плечами трубадур. – Надобно быть при событиях и зрелищах. О битве с драконом будут говорить. Но одно дело – сложить балладу на основе рассказов и совсем другое – если видел бой своими глазами.

– Бой? – засмеялся Три Галки. – И-эх! Что-то вроде забоя свиньи или разделки падали. Слушаю я вас и не могу в толк взять – знаменитые вояки мчатся сломя голову только для того, чтобы добить полудохлого дракона, отравленного каким-то хамом. Смех и слезы.

– Ошибаешься, – сказал Геральт. – Если дракон не пал от отравы на месте, значит, его организм уже нейтрализовал яд и дракон полностью восстановил силы. Впрочем, это не столь важно. Рубайлы из Кринфрида в любом случае его прикончат, но без боя, если хочешь знать, не обойдется.

– Значит, ставишь на рубайл, Геральт?

– Конечно.

– Как же, – усомнился молчавший до того стражник. – Драконище – существо магическое, и его иначе как колдовством не возьмешь. Уж если кто с ним и управится, так та волшебница, что проезжала тута вчера.

– Кто? – наклонил голову Геральт.

– Волшебница, – повторил стражник. – Я же сказал.

– Имя назвала?

– Угу. Только я позабыл. Грамота у нее была. Молодая, красивая, на свой манер, но глазищи... Сами знаете. Человека аж в дрожь кидает, когда такая на него зыркнет.

– Ты что-нибудь знаешь, Лютик? Кто это может быть?

– Нет, – поморщился бард. – Молодая, красивая, да еще и глаза. Тоже мне – приметы. Все они такие. Ни одна из тех, кого я знаю, а знаю я, поверь, многих, не выглядит старше двадцати пяти – тридцати, а ведь некоторые из них, слышал я, еще помнят те времена, когда бор шумел там, где теперь стоит Новиград. В конце концов, зачем существуют эликсиры из мандрагоры? Да и в глаза они себе тоже этот поскрип накапывают, чтобы блестили. Баба, она и есть баба.

– Не рыжая? – спросил ведьмак.

– Нет, господин, – ответил десятник. – Черная.

– А конь какой масти? Гнедой с белой звездочкой?

– Нет. Вороной. Как она. И вообще, говорю вам, она дракона прикончит. Дракон – работа для колдуна. Человеческая сила супротив него слаба.

– Интересно, что б на это сказал Козоед, – рассмеялся Лютик. – Сыщись у него под рукой что-нибудь покрепче чемерицы и волчьей ягоды, сегодня драконья шкура уже сушилась бы на голопольском частоколе, баллада была бы сложена, а я не парился бы здесь на солнце...

– Как получилось, что Недамир не взял тебя с собой? – спросил Геральт, искоса поглядывая на поэта. – Ты же был в Голополье, когда они отправлялись. Или король не любит артистов? Как вышло, что ты тут жаришься, вместо того чтобы тренькать при королевском стремени?

– Виной тому некая юная вдова, – грустно сказал Лютик. – Черт бы ее побрал. Загулял я, а на другой день Недамир и прочие были уже за рекой. Прихватили даже Козоеда и лазутчиков из голопольской милиции, только обо мне забыли. Я толкую десятнику, а он свое...

– Есть грамота – пускаю, – равнодушно проговорил алебардист, отливая на стену дома сборщика пошрины. – Нет грамоты – не пускаю. Приказ такой...

– О, – прервал его Три Галки. – Девочки возвращаются с пивом.

– И не одни, – добавил, вставая, Лютик. – Гляньте, какой конь. Сущий дракон!

Со стороны березовой рощицы галопом мчались зерриканки, а между ними всадник на крупном боевом беспокойном жеребце.

Ведьмак тоже поднялся.

На наезднике был фиолетовый бархатный кафтан с серебряными галунами и короткий плащ, отороченный собольим мехом. Выпрямившись в седле, он гордо глядел на них. Геральту были знакомы такие взгляды. И не сказать, чтобы нравились.

– Приветствую вас. Я – Доррегарай, – представился наездник, медленно и с достоинством слезая с коня. – Мэтр Доррегарай. Чернокнижник.

– Мэтр Геральт. Ведьмак.

– Мэтр Лютик. Поэт.

– Борх по прозвищу Три Галки. А с моими девочками – они вон там вынимают пробку из бочонка – ты уже познакомился, мэтр Доррегарай.

– Действительно, – не улыбнувшись, проговорил чародей. – Мы обменялись поклонами, я и прелестные воительницы из Зеррикании.

– Ну и славно. – Лютик роздал кожаные кубки, которые принесла Вэя. – Выпейте с нами, мэтр чародей. Господин Борх, десятнику тоже налить?

– Конечно. Иди к нам, вояка.

– Я думаю, – проговорил чернокнижник, благовоспитанно отхлебнув небольшой глоток, – что к заставе на мосту вас привела та же цель, что и меня?

– Если вы имеете в виду дракона, мэтр, – сказал Лютик, – то так и есть. Я собираюсь сложить балладу на месте. Увы, вот этот десятник, человек, видно, неотесанный, не желает пропускать. Требуется грамоты. И все тут.

– Прощения просим. – Алебардист выпил свое пиво, причмокнул. – У меня приказ никого без грамоты не пропускать. А похоже, уже все Голополье скупилось тут с телегами и готово отправиться в горы за драконом. У меня приказ...

– Твой приказ, солдат, – насупился Доррегарай, – касается только орущей голытьбы, распутных девок, которые распространяют болезни, воров, подонков общества и гуляк. Но не меня.

– Без грамоты никого не пропущу, – нахмурился десятник. – Клянусь...

– Не клянись, – прервал Три Галки. – Лучше выпей-ка еще. Тэя, налей этому мужественному воину. И давайте присядем, милостивые государи. Пить стоя, торопливо и без соответствующей торжественности не пристало благородным людям.

Расселись на тюках вокруг бочонка. Алебардист, свежевозведенный в благородные, покраснел от удовольствия.

– Пей, боевой сотник, – поторапливал Три Галки.

– Я вроде бы десятник, не сотник. – Алебардист еще больше покраснел.

– Но будешь сотник, пренебреженно, – осклабился Борх. – Парень ты хват, башковитый, мигом дорастешь.

Доррегарай, отказавшись от добавки, повернулся к Геральту.

– В городишке все еще толкуют о василиске, уважаемый ведьмак, а ты, вижу, уже на дракона замахнулся, – тихо сказал он. – Интересно, тебе позарез нужны наличные или ты из чистого удовольствия забиваешь существа, которым угрожает вымирание?

– Странное любопытство, – ответил Геральт, – в устах того, кто сломя голову мчится, чтобы успеть выбить у зарезанного дракона зубы, столь ценные при изготовлении колдовских снадобий и эликсиров. А правда ли, уважаемый мэтр, что лучшие зубы те, которые выбивают у живого дракона?

– Ты уверен, что я еду ради этого?

– Уверен. Но тебя уже опередили, Доррегарай. Тут успела проследовать твоя коллега с грамотой, каковой ты, к примеру, не имеешь. Черноволосая, ежели тебя это интересует.

– На вороном коне?

– Кажется.

– Йеннифэр, – недовольно буркнул Доррегарай. Ведьмак незаметно для всех вздрогнул. Наступившую тишину прервала отрывка будущего сотника.

– Никого... этта... без грамоты...

– Двести линтаров хватит? – Геральт спокойно вытащил мешочек, полученный за василиска от тучного солтыса.

– Геральт, – загадочно улыбнулся Три Галки. – Так все-таки...

– Прости, Борх. Сожалею, но я не поеду с вами в Хенгфорс. Может, другим разом. Может, еще встретимся.

– Ничего не влечет меня в Хенгфорс, – медленно произнес Три Галки. – Ну вовсе ничего, Геральт.

– Спрячьте свой мешок, милсдарь, – грозно произнес будущий сотник. – Это взятка и ничего боле. И за триста не пропушу.

– А за пятьсот? – Борх вынул свой мешочек. – Спрячь мешок, Геральт. Я заплачу пошлину. Меня это начало забавлять. Пятьсот, господин солдат. По сто со штуки, считая моих девочек за одну прелестную штуку. А?

– Ой-ей-ей, – запричитал будущий сотник, пряча под курточку мешочек Борха. – Что я королю скажу?

– Скажешь, – молвил Доррегарай, выпрямляясь и вынимая из-за пояса изящную костяную палочку, – что удар тебя хватил, как только ты увидел.

– Что, господин?

Чародей взмахнул палочкой, выкрикнул заклинание. Сосну, росшую на прибрежном откосе, моментально охватило бушующее пламя.

– По коням! – Лютик запрыгнул в седло, закинул лютню за спину. – По коням, господа! И... дамы!

– Убирай шлагбаум! – рывкнул на алебардистов разом разбогатевший десятник, имеющий солидные шансы стать сотником.

На мосту, за заслоном, Вэя натянула поводья, конь загарцевал, застучал копытами по бревнам. Девушка, размахивая косичками, что-то пронзительно крикнула.

– Верно, Вэя! – отозвался Три Галки. – Вперед, милсдари, по коням! Поедем по-зеррикански, с грохотом и свистом!

4

– Ну, гляньте-ка, – сказал старший из рубайл, Богольт, кряжистый и грузный, словно ствол старого дуба. – Недамир не прогнал вас на все четыре стороны, а ведь я был уверен, что поступит именно так. Ну что ж, не нам, худородным, оспаривать королевские решения. Просим к костру. Устраивайте лежанки, парни. А так, между нами, ведьмак, о чем ты с королем болтал?

– Ни о чем, – сказал Геральт, удобнее пристраиваясь спиной к подтянутому ближе к костру седлу. – Он даже из палатки не вышел. Послал только своего фактотума, как там его...

– Гилленстерна, – подсказал Ярпен Зигрин, крепкий, бородатый краснолюд, подкладывая в костер огромный смолистый пень, который приволок из зарослей. – Фанфарон надутый. Жирный хряк. Когда мы присоединились, он явился, нос до неба, фу-фу, говорит, не забывайте, говорит, краснолюды, кому тут подчиняться следует, говорит, здесь король Недамир распоряжается, а его слово – закон, ну и так далее. Я стоял, слушал и думал: велю своим парням повалить его на землю и сдеру с него плащ. А потом раздумал: ну его, снова шум пойдет, мол, краснолюды зловерные, агрессивные, мол, сукины дети, и с ними невозможно это, ну как его, сосу... стосуществовать... или как там. И обратно где-нито учинят погром, в городишке каком-нибудь. Ну и стал я вежливенько слушать, головой кивать.

– Похоже, господин Гилленстерн ничего другого и не умеет, – вставил Геральт, – потому что и нам сказал то же самое, и нам тоже оставалось только кивать.

– А по-моему, – проговорил второй из рубайл, расстилая попону на куче хвороста, – лучше б вас Недамир прогнал. Народищу претя на того дракона страх сколько. Это уже не экспедиция, а поход на жальник. Я, к примеру, в толкучке биться не обожаю.

– Успокойся, Нищука, – сказал Богольт. – С народом топать лучше. Ты, что ль, никогда на драконов не ходил? На них завсегда тьма народу тянется, целая ярманка, прям-таки бурдель на колесах. А как только гад нос высунет, сам знаешь, кто на поле остается. Мы, и никто боле.

Богольт на минуту замолчал, как следует хлебнул из большой оплетенной бутылки, шумно высморкался, откашлялся.

– Другое дело, известно, что порой только апосля того, как дракона прикончат, начинается потеха и резня, и головы летят, как груши. Как начнут сокровища делить, тут уж охотники прут друг на друга. Ну что, Геральт? Эй! Я прав? Ведьмак, с тобой говорю-то.

– Известны мне такие случаи, – сухо подтвердил Геральт.

– Известны, говоришь? Не иначе как с чужих слов, потому как не слышал я, чтоб ты когда на драконов охотился. Сколь ни живу, не слыхал, чтобы ведьмак на дракона ходил. Тем более странно, что ты сюда явился.

– Верно, – процедил сквозь зубы Кеннет по прозвищу Живодер, самый младший из рубайл. – Чудно чтой-то. А мы...

– Погодь, Живодер. Сейчас я говорю, – прервал его Богольт. – Впрочем, шибко-то разводить не собираюсь. Ведьмак и так понял, что к чему. Я его знаю, и он меня знает, пока-то мы друг дружке дорогу не перебежали и, мыслю, не будем. Потому как, заметьте, парни, ежели б, к примеру, я захотел ведьмаку в деле помешать либо добычу из-под носа увести, то ведьмак-то с ходу б меня своей ведьмачьей бритвой секанул и имел бы право. Я верно говорю?

Никто не подтвердил, но и не отрицал. Похоже, Богольту не очень-то это и нужно было.

– Ну, само собой, кучей-то топать весельше, как я сказал. И ведьмак может в кумпании сгодиться. Округа дикая, безлюдная, а вдруг да выскочит на нас какая-никакая химера аль жряк какой, а то и упырь, и могут дел наделать. А ежели тута Геральт будет, то никаких хлопот не жди, потому как это его специальность. А вот дракон – не его специальность. Я верно говорю?

Снова никто не подтвердил и не отрицал.

– Господин Три Галки, – продолжал Богольт, передавая бутылку краснолюду, – едет с Геральтом, и мне этого достаточно. Рекомендация вполне... Так кто вам мешает, Нищука, Живодер? Не Лютик же?

– Лютик, – сказал Ярпен Зигрин, подавая барду бутылку, – завсегда прищлепает где чего интересного творится, и все знают, что он не помешает, не поможет и не задержит. Он что-то вроде репья на собачьем хвосте. Нет, ребята?

«Ребята», бородатые и квадратные краснолюды, захохотали, тряся бородами. Лютик сдвинул шапочку на затылок и хлебнул из бутылки.

– О-о-ох, зараза, – хватил он ртом воздух. – Дух перехватывает. Из чего вы ее гоните, из скорпионов?

– Одно мне не нравится, Геральт, – сказал Живодер, принимая бутылку от менестреля. – То, что ты колдуна сюды притащил. Тут уж от колдунов скоро продыху не будет.

– Верно, – подхватил краснолюд. – Живодер верно толкует. Этот Доррегарай нужен нам как свинье седло. У нас уже есть своя ведьма, собственная, благородная Йеннифэр, тьфу, тьфу.

– Угу, – проворчал Богольт, почесывая бычьей шеей, с которой только что снял ошейник, утыканный железными шипами. – Колдунов-то тут уже по горлышко. Аккурат на две штуки больше, чем надуть. И что-то уж больно липнут они к нашему Недамиру. Гляньте только, мы тут под звездочками, у костра, а они, изволите видеть, в тепле, в королевской палатке уже шушукаются, умники. Недамир, ведьма, колдун и этот, Гилленстерн. А похуже всех – Йеннифэр. И чего они шушукаются? А того, как нас объегорить, вот чего.

– И мясо косулье жрут, – угрюмо вставил Живодер. – А мы чего ели-то? Сурка. А сурок, он чего? Он крыса и ничего боле. Так чего мы жрали? Крысу!

– Не беда, – сказал Нищука. – Скоро драконьего хвоста отведаем. Ничего нету лучше, как драконий хвост, запеченный на углях.

– Йеннифэр, – продолжал Богольт, – паршивая, зловредная и зубастая баба. Не то что твои девочки, милсдарь Борх. Энти тихие и милые, вона, гляньте, сидят себе рядышком с

лошадьми, сабли вострят, а я проходил, шутку кинул – улыбнулись, зубки показали. Да, им-то я рад, не то что Йеннифэрихе, та все чегой-то затевает, надумывает... Говорю вам, парни, надоть присматриваться, а то весь наш уговор коту под хвост пойдет.

– Какой уговор, Богольт?

– Ну что, Ярпен, сказать ведьмаку-то?

– Не вижу супротив показатиев, – учено выразился краснолюд.

– Водяра кончилась, – вставил Живодер, переворачивая бутылку вверх дном.

– Так тащи еще. Ты самый молодой. А уговор-то, Геральт, мы придумали, потому как мы не наемники и никакие там не платные холопы, и не пошлет нас Недамир на дракона, кинув под ноги пару штук золота. Правда такова, что мы одолеем дракона без Недамира, а вот Недамир без нас не одолеет. А отседова следует, кто стоит больше и чья доля должна быть больше. И мы, сталбыть, решили честно – те, кто врукопашную пойдут и дракона уложат, берут половину. Недамир, учитывая благородное происхождение и титул, берет четверть. В любом случае. А остальные, ежели будут помогать, поровну поделят оставшуюся четверть промежду собой. Что ты об этом думаешь?

– А что об этом думает Недамир?

– Не сказал ни да, ни нет. Но лучше пусть уж не лезет, хлюст. Я ему, дескать, сам он на дракона не пойдет, должен положиться на профессионалов, то бишь на нас, рубайл, да на Ярпена с парнями. Мы, а не кто иной, сойдемся с драконом на длину меча. Остальные, в том числе и колдуны, если помогут, поделят меж собой четверть сокровищев.

– Кроме колдунов, вы кого еще включаете в число остальных? – заинтересовался Лютик.

– Уж конечно, не музыкантов и рифмоплетов, – хохотнул Ярпен Зигрин. – Тех, кто работает топором, а не лютней.

– Та-а-ак, – протянул Три Галки, глядя в звездное небо. – А чем поработает сапожник Козоед и его сброд?

Ярпен Зигрин сплюнул в костер и проворчал что-то по-краснолюдски.

– Милиция из Голополя знает тутошние горы и сойдет за провожатых, – тихо сказал Богольт, – потому справедливо будет допустить их к дележке. А вот с сапожником-то дело другое. Понимаете, будет паршиво, ежели хамы решат, что как только в округе появится дракон, то вместо того, чтобы слать за спецами, можно просто сунуть ему отраву и продолжать с девками в кустах озоровать. Ежели такой порядок распространится, то нам не иначе как на побирушки придется идти. Э?

– Правда, – добавил Ярпен. – Потому, говорю вам, с энтим сапожником должно случиться что-нибудь, пока он, трахнутый, в легенду не попал.

– Должно случиться, стало быть, случится, – убежденно сказал Нищука. – Это на мне.

– А Лютик, – подхватил краснолюд, – задницу ему в балладе обработает, на смех подымет. Чтoб осрамить во веки веков.

– Об одном вы забыли, – сказал Геральт. – Есть тут один, кто может вам все попутать. Который ни на какие дележки и договора не пойдет. Я об Эйке из Денесле. С ним вы говорили?

– О чем? – проскрипел Богольт, поправляя палкой поленья в костре. – С Эйком, Геральт, не поговоришь. Его дела не интересуют.

– Подъезжая к вашему лагерю, – сказал Три Галки, – мы встретили его. Он в полном вооружении стоял коленями на камнях и не отрывал глаз от неба.

– Он всегда так, – сказал Живодер. – Размышляет или молится. Говорит, так надо, потому как боги наказали ему людей от худа оберегать.

– У нас в Кринфриде, – буркнул Богольт, – таких в телятнике держат на цепи и дают куски угля, тогда они на стенах разные разности малюют. Но довольно о ближних сплетничать, поговорим об интересе.

В круг света беззвучно ступила закутанная в шелковый плащ невысокая молодая женщина с черными волосами, покрытыми золотой сеточкой.

– Чем это тут так несет? – спросил Ярпен Зигрин, прикидываясь, будто ее не видит. – Не серой ли?

– Нет. – Богольт демонстративно потянул носом, глядя в сторону. – Мускус или что-то вроде.

– Нет, пожалуй, это... – поморщился краснотел. – Ах! Так это ж благородная госпожа Йеннифэр! Здрасьте, здрастье!

Чародейка медленно обвела взглядом собравшихся, на мгновение задержала блестящие глаза на ведьмаке. Геральт еле заметно улыбнулся.

– Позвольте присесть?

– Что за вопрос, благодетельница вы наша, – сказал Богольт и икнул. – Присядьте вот тут, на седле. Сдвинь зад, Кеннет, и подай благородной колдунье седло.

– Вы тут о делах, я слышу. – Йеннифэр уселась, вытянув стройные ноги в черных чулках. – Без меня?

– Не смели, – сказал Ярпен Зигрин, – беспокоить столь важную особу.

– Ты, Ярпен, – прищурилась Йеннифэр, повернувшись к краснотелу, – лучше б помолчал. С первого дня ты делаешь вид, будто меня вообще не существует, так уж и продолжай в том же духе, не утруждай себя.

– Да что вы, госпожа! – Ярпен показал в улыбке неровные зубы. – Как можно! Да пусть меня клещи лесные покусают, ежели я не трактирую, нет, не тракую вас лучше, чем нежели воздух. Воздух, к примеру, мне случается испортить, а касательно вас я б себе этого ни в коем разе не позволил.

Бородатые «ребяты» зашлись хохотом, но тут же замолкли, увидев синее мерцание, вдруг охватившее чародейку.

– Еще одно слово – и от тебя останется лишь испорченный воздух, – сказала Йеннифэр, и в ее голосе прозвучал металл. – И грязное пятно на траве.

– И верно, – кашлянул Богольт, разряжая обстановку. – Помолчи, Зигрин. Послушаем лучше, что нам скажет госпожа Йеннифэр. Она только что заметила, будто мы тут болтаем о делах без нее. Отседова вывод, что у нее есть какое-то предложение. Послушаем. Только б не предложила собственными чарами уделать дракона.

– А что? – подняла голову Йеннифэр. – Думаешь, невозможно, Богольт?

– Может, и возможно. Но нам не окупится, потому как вы тогда потребуете половину драконьего богатства.

– Как минимум, – холодно сказала чародейка.

– Ну вот, сами видите, нас это ну никак не устраивает. Мы, милсдарыня чародейка, бедные солдаты – если добыча пройдет мимо нашего носа, то голодать нам как пить дать. Мы щавелем и лебедой пробиваемся...

– Разве что в праздник сурок какой аль суслик попадется, – грустно вставил Ярпен Зигрин.

– ...водой колодезной запиваем. – Богольт отхлебнул из бутылки и слегка встряхнул ее. – У нас, госпожа Йеннифэр, нету другого выхода, как только получить свою долю или зимой под забором коченеть. А постоянный двор денег стоит.

– И пиво, – добавил Нищука.

– И девки распутные, – размечтался Живодер.

– Потому, – Богольт взглянул на небо, – мы сами, без чар и вашей помощи дракона уделаем.

– Ты уверен? Запомни, существует предел возможного, Богольт.

– Может, он и существует, только я ни разу не встречал. Нет, госпожа, повторяю, мы сами дракона прикончим, без всяких там чар.

– Тем более, – добавил Ярпен Зигрин, – что у чар тожить наверняка есть свои пределы возможного, которые, в противу наших, нам неведомы.

– Ты сам придумал, – медленно спросила Йеннифэр, – или тебе подсказали? Уж не присутствие ли ведьмака в вашем глубокоуважаемом обществе позволяет вам так задираться?

– Не-а, – сказал Богольт, глядя на Геральта, который, казалось, дремал, лениво растянувшись на попоне и положив голову на седло. – Ведьмак тут ни при чем. Послушайте, благородная Йеннифэр. Мы сделали королю предложение, он отмолчался. Ну ничего, мы народ терпеливый, до утра погодим. Ежели король предложение примет, едем дальше разом, нет – мы возвращаемся.

– Мы тоже, – буркнул краснолюд.

– Никакой торговли не будет, – продолжал Богольт, – так сказать, на нет и суда нет. Передайте наши слова Недамиру, милсдарыня Йеннифэр. А вам скажу, предложение выгодно и вам, и Доррегараю, ежели вы с ним столкнетесь. Нам, учтите, драконий труп до фени, токмо хвост возьмем. Остальное ваше будет, бери, выбирай! Не пожалеем для вас ни зубов, ни мозга, ничего, что вам потребно для колдовства.

– Конечно, – добавил, хихикая, Зигрин, – пададь будет ваша, чародейская. Никто не отберет. Разве что другие трупеды.

Йеннифэр встала, закинула плащ на плечо.

– Недамир не намерен ждать утра, – сказала она резко. – Он уже сейчас согласен на ваши условия. Наперекор, чтоб вы знали, моим и Доррегараевым советам.

– Недамир, – медленно процедил Богольт, – проявляет мудрость, удивительную для столь недозрелого короля. Потому как по мне, госпожа Йеннифэр, мудрость – это, в частности, умение пропускать мимо ушей глупые или неискренние советы.

Ярпен Зигрин хмыкнул в бороду.

– Запоете иначе, – чародейка уперлась руками в бока, – когда завтра дракон вас исхлещет, изрешетит и раздолбает ваши кости. Станете мне туфли лизать и скулить, моля о помощи. Как всегда. Я достаточно хорошо знаю вас и вообще таких, как вы. До тошноты.

Она повернулась и ушла во мрак, не попрощавшись.

– В мое время, – сказал Ярпен Зигрин, – чародейки сидели в башнях, читали умные книги и помешивали лопатками в тиглях. Не путались у воинов под ногами, не лезли в наши дела. И не крутили задом у мужчин перед глазами.

– А задок-то, честно говоря, ничего себе, – сказал Лютик, настраивая лютню. – А, Геральт? Геральт! Эй, куда ведьмак запропастился?

– А нам-то что? – буркнул Богольт, подбрасывая поленья в костер. – Ушел. Может, по нужде. Его дело.

– Конечно, – согласился бард и ударил по струнам. – Спеть вам чего-нибудь?

– А что, спой, – сказал Ярпен Зигрин и сплюнул. – Только не думай, будто за твое бляение я дам тебе хоть шелонг. Тут, парень, не королевский двор.

– Оно и видно, – кивнул трубадур.

5

– Йеннифэр.

Она обернулась, точно удивленная, хотя ведьмак не сомневался, что она уже давно слышала его шаги. Поставила на землю деревянный ушат, выпрямилась, откинула со лба волосы, высвобожденные из-под золотой сеточки и теперь крутыми локонами спадающие на плечи.

– Геральт.

Как обычно, она носила только два своих цвета – черное и белое. Черные волосы, черные длинные ресницы, позволяющие только гадать о цвете скрытых ими глаз. Черная юбка, черный короткий кафтанчик с белым меховым воротником. Белая рубашка из тончайшего льна. На шее – черная бархотка, украшенная усеянной бриллиантами обсидиановой звездой.

– Ты ничуть не изменилась.

– Ты тоже, – поморщилась она. – И в обоих случаях это одинаково нормально. Однако напоминать об этом, хоть, может, это и не самый скверный способ начать разговор, бессмысленно. Правда?

– Правда, – кивнул он, глядя туда, где стояла палатка Недамира и горели костры королевских лучников, частично загороженные темными квадратами фургонов. Со стороны дальнего костра долетал звучный голос Лютика, напевающего «Звездным трактом», одну из своих самых удачных любовных баллад.

– Ну что ж, со вступлением покончено, – сказала волшебница. – Что дальше? Слушаю.

– Видишь ли, Йеннифэр...

– Вижу, – резко прервала она. – Но не понимаю. Зачем ты приехал? Ведь не ради же дракона? В этом-то, думаю, ничего не изменилось?

– Нет. Ничего.

– Так зачем же, спрашиваю, ты присоединился к нам?

– Если я скажу, что из-за тебя, поверишь?

Она молча глядела на него, и в ее блестящих глазах было что-то, что никак не могло понравиться.

– Поверю, почему бы нет, – сказала она наконец. – Мужчины любят встречаться с бывшими любовницами, любят освежать воспоминания. Любят думать, будто давние любовные игры дают им что-то вроде пожизненного права собственности на партнершу. Это хорошо влияет на их самочувствие. Ты не исключение. Несмотря ни на что.

– Несмотря ни на что, – усмехнулся он, – ты права, Йеннифэр. Твоя внешность прекрасно влияет на мое самочувствие. Иначе говоря, я рад, что вижу тебя.

– И это все? Ну, допустим, я тоже рада. Нарадовавшись, желаю спокойной ночи. Видишь, я отправляюсь на отдых. А предварительно намерена смыть с себя пыль и грязь. Но при этом привыкла раздеваться. Посему удались и с присущим тебе тактом обеспечить мне минимум удобств.

– Йен, – протянул он к ней руки.

– Не называй меня так! – яростно прошипела она, отскакивая, а из пальцев, протянутых в его сторону, посыпались голубые и красные искры. – Если коснешься, выжгу глаза, прохвост.

Ведьмак попятился. Чародейка, немного остыв, снова откинула волосы со лба, встала перед ним, упершись руками в бока.

– Ты что думаешь? Что мы весело поболтаем, вспомним давние времена? А может, в завершение всего пойдем вместе на воз и под займемся любовью на овчинах, так просто, чтобы освежить воспоминания? Да?

Геральт, не зная, читает ли чародейка его мысли или удачно угадывает, молчал, криво улыбаясь.

– Эти четыре года сделали свое, Геральт. У меня все прошло, и только исключительно поэтому я не наплевала тебе в глаза при сегодняшней встрече. Но пусть тебя не обманывает моя сдержанность.

– Йеннифэр...

– Молчи! Я дала тебе больше, чем кому-либо из мужчин, паршивец. Сама не знаю, почему именно тебе. А ты... О нет, дорогой мой. Я не девка и не случайно прихваченная в лесу эльфка, которую можно в одно прекрасное утро бросить, оставить на столе букетик фиалок

и уйти, не разбудив. Которую можно выставить на посмешище. Осторожней! Если сейчас ты скажешь хоть слово, пожалеешь!

Геральт не произнес ни слова, безошибочно чувствуя бурлящую в Йеннифэр злобу. Чародейка снова смахнула со лба непослушные локоны, взглянула ему в глаза.

– Что ж, мы встретились, – тихо сказала она. – Не надо выставять себя на посмешище. Сохраним лицо. Прикинемся хорошими знакомыми. Но не ошибись, Геральт. Между нами уже нет ничего. Ничего, понимаешь? И радуйся, ибо это означает, что я уже отказалась от некоторых проектов, еще совсем недавно касавшихся тебя. Однако отсюда вовсе не следует, что простила. Я тебя никогда не прошу, ведьмак. Никогда.

Она резко повернулась, схватила ушат, расплескивая воду, и ушла за воз.

Геральт отогнал брнчавшего над ухом комара и медленно пошел к костру, у которого в этот момент редкими хлопками награждали выступление Лютика. Он посмотрел на темно-синее небо по-над черной пилой вершин. Хотелось смеяться. Неведомо чему.

6

– Эй, там, осторожней! Следите! – крикнул Богольт, оборачиваясь на козлах назад, к колонне. – Ближе к скале! Следите!

Возы катились, подскакивая на камнях. Возницы ругались, хлестали лошадей кнутами, наклонившись, беспокойно следили, достаточно ли далеко колеса проходят от края каньона, вдоль которого бежала узкая неровная дорога. Внизу, на дне пропасти, белой пеной среди валунов бурлила река Браа.

Геральт придержал коня, прижимаясь к каменной стене, покрытой редким коричневым мхом и белым налетом, напоминающим лишайник. Он дал фургону рубайл опередить себя. От головы приплелся Живодер, ведущий колонну совместно с разведчиками из Голополя.

– Добро! – крикнул он. – Двигайтесь скорее. Дальше просторней!

Король Недамир и Гилленстерн, оба верхом, в сопровождении нескольких конных лучников, поравнялись с Геральтом. Следом за ними гроыхали по камням телеги королевского обоза. Еще дальше катился воз краснолюдов, которым, без передыху ругаясь, правил Ярпен Зигрин.

Недамир, худощавый и веснушчатый подросток в белом колушке, миновал ведьмака, окинув его величественным, хоть и явно утомленным взглядом. Гилленстерн распрямылся, придержал коня.

– Позвольте вас, господин ведьмак, – произнес он властно.

– Слушаю. – Геральт прижал лошадь каблуками, медленно двинулся рядом с канцлером за обозом. Его удивляло, что при своем солидном животе Гилленстерн предпочитал седло более удобной телеге.

– Вчера, – Гилленстерн, слегка натянув поводья, украшенные золотыми шишечками, откинул с плеча бирюзовый плащ, – вчера вы сказали, будто вас дракон не интересует. А что же в таком случае интересует, господин ведьмак? Зачем вы едете с нами?

– Мы в свободной стране, милсдарь канцлер.

– Пока что. Но в нашем кортеже каждый, господин Геральт, должен знать свое место. И роль, кою будет исполнять, выполняя волю короля Недамира. Вам понятно?

– В чем дело, милсдарь Гилленстерн?

– Скажу. Говорят, последнее время с вами, ведьмаками, трудно договориться. Вроде бы, если ведьмаку укажут чудовище, подлежащее убиению, он, вместо того чтобы хватать меч и рубить, начинает рассуждать, следует ли это делать, не выходит ли это за пределы возможного, не противоречит ли кодексу и действительно ли данное чудовище – чудовище, словно этого не видно с первого же взгляда. Похоже, вам просто стало здорово везти. В мое время ведьмаки

не брезговали деньгами. Не рассуждали, рубили, что им скажут, им было все едино, что оборотень, что дракон, что сборщик податей. Важно было как следует рубануть. Ну как, Геральт?

– У вас есть для меня какое-то задание, Гилленстерн? – сухо спросил ведьмак. – Так говорите. Подумаем. А ежели нет, то чего ради впустую языком молоть, не правда ль?

– Задание? – вздохнул канцлер. – Нет. Речь идет о драконе, а это явно превышает пределы твоих возможностей, ведьмак. Уж предпочитаю рубайл. Тебя же я хотел лишь предупредить. Предостеречь. Ведьмачьи причуды, в основе которых лежит деление чудовищ на добрых и злых, я и король Недамир можем терпеть, но не желаем о них слышать, а тем более видеть, как их претворяют в жизнь. Не лезьте в королевские дела, ведьмак. И не якшайтесь с Доррегараем.

– Я не привык, как вы выразились, якшаться с чародеями. Откуда такие мысли?

– Доррегарай, – сказал Гилленстерн, – переплунет своими причудами даже ведьмаков. Не ограничивается делением чудовищ на хороших и плохих. Считает, что все они хорошие.

– Немного преувеличивает.

– Несомненно. Но отстаивает свои взгляды с яростным упорством. Я, честно говоря, не удивлюсь, если с ним что-нибудь приключится. А то, что он присоединился к нам в странном обществе...

– Я не спутник Доррегарая. И он не мой спутник.

– Не прерывай. Общество довольно странное. Ведьмак, напичканный принципами, словно лисья шуба блохами. Чародей, повторяющий друидские бредни о равновесии в природе. Молчаливый рыцарь Борх Три Галки и его эскорт из Зеррикании, в которой, как известно, складывают жертвы к лапам статуи дракона. И все они ни с того ни с сего присоединяются к охоте. Странно, верно?

– Пусть будет странно.

– Так знай, – сказал канцлер, – что у самых загадочных проблем бывают, как говорит практика, самые простейшие решения. Не заставляй меня, ведьмак, прибегать к ним.

– Не понял?

– Понял, понял. Благодарю за беседу, Геральт.

Геральт остановился. Гилленстерн послал коня вперед, догнал обоз и присоединился к королю. Мимо проехал Эйк из Денесле в стеганом кафтане из светлой кожи и с вмятинами от снятых лат, ведя за собой вьючного коня, нагруженного оружием, цельным серебряным щитом и огромной пикой. Геральт приветливо поднял руку, но странствующий рыцарь отвернулся, сжав тонкие губы, и пришпорил коня.

– Не очень-то он тебя любит, – сказал Доррегарай, подъезжая. – А, Геральт?

– Оно и видно.

– Конкурент? Оба вы работаете в одной области, так сказать, только Эйк – идеалист, а ты – профессионал. Почти никакой разницы, особенно для тех, кого убиваете.

– Не надо сравнивать меня с Эйком, Доррегарай. Неизвестно, кого ты обижаешь таким сравнением, его или меня, но сравнивать не надо.

– Как хочешь. По мне, честно говоря, оба вы одинаково отвратны.

– Благодарю.

– Не за что. – Чародей похлопал по шее коня, напуганного воплями Ярпена и его краснолюдов. – Я считаю, что называть убийство призванием отвратительно, низко и глупо. Наш мир пребывает в равновесии. Уничтожение, избиение каких-либо существ, заселяющих этот мир, нарушает равновесие. А это, в свою очередь, приближает гибель, гибель и конец того света, который мы знаем.

– Друидская теория, – отметил Геральт. – Знаком. Однажды мне ее изложил один старый гиерофант, еще в Ривии. Спустя два дня после беседы его разорвали на куски крысолаки. Нарушения равновесия не наблюдалось.

– Мир, повторяю, – Доррегарай равнодушно посмотрел на него, – пребывает в равновесии. Природном. У каждого вида есть свои естественные враги, и каждый является естественным врагом для других видов. К людям это тоже относится. Уничтожение естественных врагов человека, чему ты посвятил свою жизнь и что уже становится заметно, грозит вырождением расы.

– Знаешь что, колдун, – занервничал Геральт, – подойди как-нибудь к матери, у которой василиск сожрал ребенка, и скажи ей, что она должна радоваться, потому как благодаря этому человеческая раса избежала вырождения. Посмотришь, что она тебе ответит.

– Прекрасный аргумент, ведьмак, – сказала Йеннифэр, подъехав к ним сзади на своем вороном. – А ты, Доррегарай, следи за словами.

– Я не привык скрывать свои взгляды.

Йеннифэр въехала между ними. Ведьмак заметил, что золотую сеточку на волосах она сменила на ленту из скрученного белого платочка.

– Так поскорее начни скрывать, Доррегарай, – сказала она. – Особенно перед Недамиром и рубайлами, которые подозревают, что ты намерен помешать им прикончить дракона. Пока ты лишь болтаешь, они смотрят на тебя как на неопасного маньяка. Но как только попытаешься что-либо предпринять, они свернут тебе шею, ты и охнуть не успеешь.

Чародей пренебрежительно усмехнулся.

– Кроме того, – продолжала Йеннифэр, – проповедуя такие взгляды, ты подрываешь основы нашей профессии и призвания.

– Это чем же?

– Свои теории ты можешь прилагать к любым существам и червям, Доррегарай, но только не к драконам, ибо драконы – естественные наисквернейшие враги человека. И речь идет не о деградации человеческой расы, а о самом ее существовании. Чтобы выжить, надо расправиться с врагами, с теми, кто может свести на нет самую возможность выживания.

– Драконы – не враги человека, – вставил Геральт. Чародейка взглянула на него и улыбнулась. Одними губами.

– Об этом, – сказала она, – предоставь судить нам, людям. Ты, ведьмак, создан не для оценок. Ты создан для работы.

– Как заводная, безвольная игрушка?

– Это твои слова, не мои, – холодно ответила Йеннифэр. – Но сравнение точное.

– Йеннифэр, – сказал Доррегарай, – для женщины с твоим образованием и твоего возраста ты высказываешь поразительные глупости. Почему именно драконов ты считаешь основными врагами людей? Почему не других, во сто крат более страшных существ, на совести которых гораздо больше жертв, чем у драконов? Почему не хирилки, вилохвосты, мантихоры, амфисбены или грифы? Почему не волки?

– Скажу почему. Преимущество человека перед другими расами и видами в том, что его борьба за соответствующее место в природе, за жизненное пространство может быть выиграна лишь тогда, когда он окончательно исключит кочевой образ жизни – переходы с места на место в поисках пищи, следуя календарю природы. Иначе он не достигнет нужного темпа прироста, человеческое дитя слишком долго не обретает самостоятельности. Только находящаяся в безопасности за стенами города или крепости женщина может рожать в нужном темпе, то есть ежегодно. Плодовитость, Доррегарай, – это прогресс, условие выживания и доминирования. И тут мы подходим к драконам. Ни одно чудовище, кроме дракона, не может угрожать городу или крепости. Если драконов не уничтожить, люди ради безопасности станут расплываться, вместо того чтобы объединяться, потому как драконье пламя в густозастроенном поселке – это кошмар, это сотни жертв, это ужасающая гибель. Поэтому драконы должны быть выбиты до последнего, Доррегарай.

Доррегарай взглянул на нее, странно улыбнулся.

– Знаешь, Йеннифэр, не хотел бы я дожить до того часа, когда осуществится твоя идея о царстве человека, когда тебе подобные займут надлежащее им место в природе. К счастью, до этого дело никогда не дойдет. Уж скорее вы все друг другу глотки перегрызете, перетравите, передохнете от дурмана и тифа, ибо грязь и вши, а не драконы угрожают вашим изумительным городам, в которых женщины рожают ежегодно, но только один новорожденный из десяти доживает до одиннадцатого дня! Да, Йеннифэр, плодовитость, плодовитость и еще раз плодовитость. Займись, дорогая моя, деторождением, это более естественное для тебя занятие. Оно займет у тебя время, которое сейчас ты бесплодно тратишь на придумывание глупостей. Прощай.

Пришпорив коня, чародей направился к голове колонны. Геральт, кинув взгляд на бледное и искаженное яростью лицо Йеннифэр, заранее посочувствовал колдуну. Он знал, в чем дело. Йеннифэр, как и большинство чародеек, была стерильна. Но, как многие чародейки, страдала от этого факта и на упоминание о нем реагировала совершенно дико. Доррегарай, вероятно, знал об этом. Однако скорее всего не предполагал, насколько она мстительна.

– Накличет он себе хлопот на голову, – прошипела Йеннифэр. – Ох накличет. Будь осторожнее, Геральт. Не думай, что, ежели в случае чего ты не проявишь рассудительности, я стану тебя защищать.

– Не волнуйся, – усмехнулся он. – Мы, то есть ведьмаки и безвольные игрушки, всегда действуем рассудительно. Поскольку однозначно и четко помечены границы возможного, в пределах которых мы можем действовать.

– Ну, ну, смотри. – Йеннифэр, все еще бледная, взглянула на него. – Ты обиделся, как девочка, которую обвинили в утрате невинности. Ты – ведьмак, и этого ничем не изменить. Твое призвание...

– Прекрати, Йен, меня начинает мутить.

– Не говори со мной так, ведьмак. А твои тошноты меня мало интересуют. Как и прочие реакции из ограниченного ведьмачьего ассортимента.

– Тем не менее некоторые из них тебе придется увидеть, если ты не перестанешь потчевать меня байками о возвышенных предназначениях и борьбе во благо людей, и о драконах, ужасных врагах племени человеческого, я знаю больше.

– Да? – прищурилась чародейка. – И что же ты такое знаешь, ведьмак?

– А хотя бы то, – Геральт не обратил внимания на резкое, предостерегающее дрожание медальона на шее, – что если б у драконов не было соковок, то никакая собака, не говоря уж о чародеях, не заинтересовалась бы ими. Даже странно, что при каждой охоте на дракона неподалеку обязательно крутится какой-нибудь чародей, крепко связанный с гильдией ювелиров. Например, ты, и позже, хотя на рынок должны, казалось бы, посыпаться камни и камушки, они почему-то туда не попадают, и их цена не падает. Не рассказывай мне сказочки о призвании и борьбе за выживание расы. Я слишком хорошо и слишком долго тебя знаю.

– Слишком долго, – повторила она, зловеще скривив губы, – это уж точно. Но не думай, что слишком хорошо. Ты, сукин сын. Черт, до чего ж я была глупа. А, иди к дьяволу! Видеть тебя не могу!

Она хлестнула вороного, помчалась вдоль колонны. Ведьмак сдержал коня, пропустил телегу краснолюдов, рычащих, ругающихся, высвистывающих что-то на костяных свирелях. Между ними, развалившись на мешках с овсом и побрякивая на лютне, возлежал Лютик.

– Эгей! – орал Ярпен Зигрин, сидевший на козлах, указывая на Йеннифэр. – Чтой-то там чернеет на дороге? Интересно что? Похоже на кобылу.

– Несомненно! – отвечал Лютик, сдвигая на затылок сливового цвета шапочку. – Кобыла! Верхом на мерине! Невероятно!

Ярпеновы парни затрясли бородами в хохоте. Йеннифэр сделала вид, будто не слышит.

Геральт остановил коня, пропустил лучников Недамира. За ними, на некотором удалении, ехал Борх, а следом – зерриканы, образуя арьергард колонны. Геральт дождался, пока они подъедут, повел свою кобылу бок о бок с лошастью Борха. Ехали молча.

– Ведьмак, – вдруг проговорил Три Галки. – Хочу тебя спросить.

– Спрашивай.

– Почему ты не завернешь?

Ведьмак какое-то время глядел на него.

– Ты действительно хочешь знать?

– Хочу, – сказал Три Галки, поворачиваясь к нему лицом.

– Я еду с ними, потому что я безвольная игрушка. Потому что я – пучок пакли, гонимый ветром вдоль дорог. Куда, скажи мне, я должен ехать? И зачем? Здесь по крайней мере собрались те, с кем есть о чем поговорить. Те, кто не замолкает, когда я подхожу. Те, кто, даже не любя меня, говорят мне это прямо в глаза, не кидают камни из-за заборов. Я еду с ними по той же причине, по какой поехал с тобой в трактир плотогонов. Потому что мне все равно. У меня нет места, куда я мог бы стремиться. У меня нет цели, которая должна быть в конце пути.

Три Галки откашлялся.

– Цель есть в конце любого пути. Она есть у каждого. Даже у тебя, хоть тебе и кажется, будто ты не такой, как все.

– Теперь я тебя спрошу.

– Спрашивай.

– А в конце твоего пути есть цель?

– Есть.

– Счастливцев.

– Дело не в счастье, Геральт. Дело в том, во что ты веришь и чему отдаешь себя. В чем твое призвание. Никто не может знать об этом лучше, чем... чем ведьмак.

– Я сегодня то и дело слышу о призвании, – вздохнул Геральт. – Призвание Недамира – захватить Маллеору. Призвание Эйка из Денесле – защищать людей от драконов. Доррегарай чувствует призвание к совершенно обратному. Йеннифэр, учитывая определенные изменения в организме, не может исполнить своего призвания и мечется из стороны в сторону. Черт побери, только рубайлы да краснолюды не чувствуют никакого призвания, а просто хотят нахапать как можно больше. Может, поэтому меня к ним так тянет?

– Не к ним тебя тянет, Геральт из Ривии. Я не слеп и не глух. Не при звуке их имен ты схватился тогда за мешочек. Но кажется мне...

– Напрасно кажется, – беззлобно сказал ведьмак.

– Прости.

– Напрасно извиняешься.

Они сдержали лошадей в самое время, чтобы не налететь на резко остановившуюся колонну лучников из Каингорна.

– Что случилось? – поднялся на стременах Геральт. – Почему остановились?

– Не знаю, – повернул голову Борх. Взя с удивительно сосредоточенным лицом быстро произнесла несколько слов.

– Поскачу в голову, – сказал ведьмак. – Узнаю.

– Останься.

– Почему?

Три Галки минуту помолчал, глядя в землю.

– Почему? – повторил Геральт.

– Поезжай, – бросил Борх. – Может, так-то оно и лучше.

– Что – лучше?

– Поезжай.

Мост, связывающий два берега каньона, выглядел солидно, был построен из толстых сосновых бревен, опирался на четырехугольный столб, о который поток, шумя, разбивался на длинные полосы пены.

– Эй! Живодер! – рявкнул Богольт, подводя телегу. – Ты чего остановился?

– Черт его знает, что это за мост!

– А чего ради нам на него лезть? – спросил Гилленстерн, подъезжая ближе. – Что-то не светит мне лезть с телегами на эту кладку. Эй, сапожник! Ты почему ведешь туда, а не по тракту? Ведь тракт идет дальше к западу?

Героический отравитель из Голополья приблизился, скинул барашковую шапку. Выглядел он презабавно, облаченный в натянутый на сермягу старомодный полупанцирь, который выковали еще, почитай, при короле Самбуке.

– Тут дорога короче, государь, – пояснил он не канцлеру, а непосредственно Недамиру, лицо которого по-прежнему выражало прямо-таки болезненную усталость.

– Чем какая? – спросил, поморщившись, Гилленстерн. Недамир не удостоил сапожника даже взглядом.

– Это, – сказал Козоед, указывая на три вздымающиеся над округой шербохатые вершины, – Хиява, Пустула и Скохий Зуб. Дорога ведет к руинам старой крепости, обходит Хияву с севера, за истоками реки. А по мосту мы можем дорогу срезать. По ущелью выйдем на равнину меж горами. А если тама драконьих следов не найдем, пойдем дале на восток, осмотрим яры. А еще дале на восток лежат ровнютенькие луговины, оттедова прямая дорога в Каингорн, к вашим, государь, владениям.

– И где это ты, Козоед, такого ума об энтих горах поднабрался? – спросил Богольт. – У колодок сапожных аль как?

– Нет, милсдарь. В ребячестве овец тут пас.

– А мост выдюжит? – Богольт приподнялся на козлах, глянул вниз, на пенящуюся реку. – Пропасть сажен сорок.

– Выдюжит.

– А откуда вообще взялся такой мост в этой глуши?

– Его, – сказал Козоед, – в давние времена тролли срубили, а кто тут ездил, крепко им платить должен был. А так как редко кто тут ездил, то тролли по миру пошли. А мост остался.

– Повторяю, – гневно сказал Гилленстерн, – у нас телеги с грузом и фуражом, на бездорожье мы можем застрять. Не лучше ли трактом ехать?

– Можно и трактом, – пожал плечами сапожник, – но дорога дальняя. А король говорил, что ему надоть к дракону срочно, потому как он высматривает его, словно коршун падь.

– Падаль, – поправил канцлер.

– Пусть падаль, не все едино? – согласился Козоед. – А мостом все равно ближее.

– Ну так вперед, Козоед, – решил Богольт. – Жми передом, ты и твое войско. У нас такой обычай – вперед пускать самого боевитого.

– Не больше одной телеги сразу, – предостерег Гилленстерн.

– Лады. – Богольт стегнул лошадей, телега задуднила по бревнам моста. – За нами, Живодер! Глянь-ка, колеса ровно идут?

Геральт придержал коня, дорогу ему загородили лучники Недамира в пурпурно-желтых кафтанах, столпившиеся на каменистой площадке.

Кобыла ведьмака фыркнула.

Дрогнула земля. Горы загудели, зубчатый край каменной стены вдруг затуманился на фоне неба, а сама стена неожиданно заговорила глухим осязаемым гулом.

– Внимание! – зарычал Богольт уже с другой стороны моста. – Эй, там, внимание!

Первые камни, пока еще мелкие, зашуршали и застучали по лихорадочно дрожащему обрыву. На глазах у Геральта часть дороги, раскрываясь в черную, чудовищно быстро увеличивающуюся щель, оборвалась и с оглушительным грохотом рухнула в пропасть.

– По коням! – рявкнул Гилленстерн. – Ваше величество! На другую сторону!

Недамир, вжавшись головой в гриву коня, рванулся на мост, за ним прыгнул Гилленстерн и несколько лучников. Следом, грохоча, ввалился на трясущиеся бревна королевский фургон с полощущимся на ветру прапором с грифом.

– Лавина! С дороги! – взвыл сзади Ярпен Зигрин, хлеща бичом по конским крупам, опережая второй воз Недамира и раскидывая по сторонам лучников. – С дороги, ведьмак! С дороги!

Рядом с телегой краснолюдов прогарцевал Эйк из Денесле, выпрямившийся и чопорный. Если б не смертельно бледное лицо и сжатые в гримасе дрожащие губы, можно было подумать, что странствующий рыцарь не замечает сыплющихся на дорогу камней и обломков. Сзади, в группе лучников, кто-то дико кричал, ржали кони. Геральт рванул поводья, прищипорил коня, в тот же момент земля перед ним запылила от летящих сверху камней. Телега краснолюдов с грохотом протарахтела по камням, перед самым мостом подскочила и с треском осела набок, на сломанную ось. Колесо отбилося от огорожки, полетело вниз, в кипень.

Лошадь ведьмака, по которой били острые обломки камней, встала на дыбы. Геральт хотел соскочить, но зацепился застежкой башмака за стремя и упал на бок, на дорогу. Лошадь заржала и понесла прямо на пляшущий над пропастью мост. По мосту бежали краснолюды, вереща и проклиная кого-то.

– Быстрей, Геральт! – крикнул бегущий за ним Лютик, оглянувшись.

– Вставай, ведьмак! – крикнул Доррегарай, мечась в седле и с трудом удерживая взбесившегося коня.

Позади них дорога тонула в клубах пыли, вздымаемой летящими обломками, разбивающимися в щепы телеги Недамира. Ведьмак уцепился за ремни выюков, притороченных за седлом чародея. Услышал крик.

Йеннифэр свалилась вместе с лошастью, отползла в сторону, подальше от бьющих вслепую копыт, припала к земле, заслоняя руками голову. Ведьмак отпустил седло, побежал к ней, ныряя в поток камней, перескакивая через разверзающиеся под ногами провалы. Рванул Йеннифэр за плечо, она поднялась на колени. Ее глаза были широко раскрыты, из рассеченной брови текла кровь. Струйка уже доходила до мочки.

– Вставай! Йен!

– Геральт! Осторожно!

Огромная плоская каменная глыба, с грохотом скользя по стене обрыва, двигалась прямо на них. Геральт упал, прикрыв собой чародейку. В этот момент блок взорвался, развалился на миллиарды осколков, посыпавшихся на них и жалящих, словно осы.

– Быстрей! – крикнул Доррегарай. Сидя на пляшущем коне и размахивая палочкой, он дробил в пыль летевшие с обрыва камни. – На мост, ведьмак!

Йеннифэр, изогнув пальцы, махнула рукой, крикнула что-то непонятное. Камни, сталкиваясь с голубоватой полусферой, неожиданно выросшей над их головами, испарялись, как капли воды, падающие на раскаленное железо.

– На мост, Геральт! – крикнула чародейка. – За мной!

Они побежали, догоняя Доррегарая и нескольких спешившихся лучников. Мост качался и трещал, бревна изгибались, кидая их от перил к перилам.

– Скорее!

Мост вдруг осел с пронзительным треском, та половина, которую они уже оставили позади, с грохотом рухнула в пропасть, вместе с ней телега краснолюдов, разваливаясь на части при ударах о каменные острия, под сумасшедшее ржание коней. Часть моста, на которой они

находились, выдержала, но Геральт вдруг сообразил, что они уже бегут вверх, по быстро увеличивающейся крутизне. Йеннифэр, тяжело дыша, выругалась.

– Йен, держись!

Остатки моста заскрежетали и опустились. Они упали, уцепившись за щели между бревнами. Йеннифэр не удержалась, пискнула, словно девчонка, и поехала вниз. Геральт, уцепившись одной рукой, другой выхватил кинжал, всадил острие между бревнами и теперь уже обеими руками ухватился за рукоять. Суставы в локтях затрещали, когда Йеннифэр рванула его, повиснув на ремне и ножнах меча. Помост снова хрустнул и наклонился еще больше, став почти вертикальным.

– Йен, – простонал ведьмак. – Сделай что-нибудь... Дьявольщина, кинь заклинание!

– Как? – услышал он злое приглушенное ворчание. – Ведь я же вишу!

– Освободи одну руку!

– Не могу!

– Эй! – крикнул сверху Лютик. – Держитесь? Эй!

Геральт не счел нужным подтверждать очевидное.

– Давайте веревку! – орал Лютик. – Быстрее, мать вашу...

Около трубадура возникли рубайлы, краснолюды и Гилленстерн. Геральт услышал тихие слова Богольта:

– погоди, певун. Она сейчас отвалится. Тогда вытянем ведьмака.

Йеннифэр зашипела, словно змея, повиснув на спине Геральта. Ремень болезненно впился ему в грудь.

– Йен! Ты можешь нащупать опору? Ногами? Можешь что-нибудь сделать ногами?

– Да, – простонала она. – Подрыгать...

Геральт глянул вниз на реку, кипящую меж острых камней, о которые бились крутящиеся, немногочисленные бревна моста, на лошадь и труп в ярких одеждах Каингорна. За камнями в изумрудной прозрачной пучине лениво двигались против течения веретенообразные тела огромных форелей.

– Держись, Йен?

– Еще... да...

– Подтянись. Надо найти опору.

– Не могу...

– Веревку! Дайте веревку! – кричал Лютик. – Вы что, сдурели? Ведь свалятся оба!

– Может, оно и к лучшему? – задумчиво проговорил невидимый Гилленстерн.

Мост затрещал, просел еще больше. Пальцы Геральта, стиснутые на рукояти, начали неметь.

– Йен...

– Заткнись... и перестань верещать...

– Йен...

– Не называй меня так...

– Выдержишь?

– Нет, – холодно сказала чародейка. Она уже не боролась, просто висела у него на спине мертвым, инертным грузом.

– Йен?

– Заткнись.

– Йен. Прости меня.

– Никогда.

Что-то ползло по бревнам вниз. Быстро. Словно змея.

Излучающая синий свет веревка, извиваясь и свиваясь, будто живая, нащупала подвижным концом шею Геральта, передвинулась под мышки, замоталась в свободный узел. Чародейка застонала. Он был уверен, что она заплачет. Но ошибся.

– Внимание! – крикнул сверху Лютик. – Мы вытаскиваем вас! Нищука! Кеннет! Наверх их! Тяните!

Болезненный рывок, удушающая хватка натянутой веревки. Йеннифэр тяжело вздохнула. Они поехали вверх, быстро, скребя животом по шероховатым доскам настила.

Наверху Йеннифэр встала на ноги первой.

7

– Из всего обоза, король, – сказал Гилленстерн, – мы спасли лишь фургон, не считая рубайловых телег. От отряда осталось семеро лучников. По той стороне пропасти дороги уже нет, только щебень да гладкая стена, насколько позволяет видеть излом. Неизвестно, уцелел ли кто-нибудь из оставшихся, когда мост рухнул.

Недамир не ответил. Эйк из Денесле, выпрямившись, стоял перед королем, впери в него взор блестящих, лихорадочно горящих глаз.

– Нас преследует гнев богов, – сказал он, вздымая руки. – Видать, согрешили мы, король. Это был священный поход, поход против зла. Ибо дракон есть зло, да, любой дракон есть воплощение зла. Я не прохожу безразлично мимо зла, я давлю его ногами... Уничтожаю. Как велют боги и Святая Книга.

– Что он мелет? – поморщился Богольт.

– Не знаю, – сказал Геральт, поправляя упряжь. – Не понял ни слова.

– Тихо, – сказал Лютик. – Я пытаюсь запомнить, может, удастся использовать, когда подберу рифмы.

– Святая Книга гласит, – окончательно разошелся Эйк, – что изойдет из бездны змий, дракон отвратный, семь глав и десять рог имеющий! А на спине у него усядется дева в пурпуре и багрянце, и кубок золотой будет у нее в руке, а на челе выписан будет знак всякого и полного распутства!

– Я ее знаю! – обрадовался Лютик. – Это Чилия, жена солтыса Зоммерхальдера!

– Успокойтесь, господин поэт, – произнес Гилленстерн. – А вы, рыцарь из Денесле, говорите ясней, если можете.

– Противу зла, король, – завопил Эйк, – надобно поспешать с чистым сердцем и совестью, с поднятой главою! А кого мы видим здесь? Краснолюдов, кои есть поганцы, рождаются в темнотах и темным силам поклоняются! Чародеев-богохульников, присваивающих себе божеские права, силы и привилегии! Ведьмака, койй есть отвратный проклятый извращенец, противуестественное творение. И вы еще удивляетесь, что на наши головы пала кара? Мы дошли до предела возможного! Не надо испытывать божескую милость. Призываю вас, король, очистить от нечисти наши ряды, прежде чем...

– Обо мне ни слова, – жалостно вставил Лютик. – Ни слова о поэтах. А вообще-то я стараюсь...

Геральт ухмыльнулся Ярпену Зигрину, ласково поглаживающему острие засунутого за пояс топора. Краснолюды, развеселившись, осклабились. Йеннифэр демонстративно отвернулась, притворившись, будто разорванная до самого бедра юбка занимает ее больше, нежели слова Эйка.

– Вы немного переборщили, милсдарь Эйк, – резко проговорил Доррегарай. – Впрочем, уверен, из благородных побуждений. Я считаю совершенно никчемным ваше мнение о чародеях, краснолюдах и ведьмаках. Хотя, мне кажется, все мы уже привыкли к таким речам, все же говорить так невежливо и не по-рыцарски, милсдарь Эйк. И уж вовсе не понятно после того,

как вы, а не кто другой, бежите и подаете волшебную эльфову веревку ведьмаку и чародейке, которым угрожает смерть. Из сказанного вами следует, что вам скорее следовало бы молиться, чтобы они упали.

– Черт возьми, – шепнул Геральт Лютику. – Так это он подал веревку? Эйк? А не Дор-регарай?

– Нет, – буркнул бард. – Эйк. Именно он.

Геральт недоверчиво покачал головой. Йеннифэр чертыхнулась себе под нос и выпрямилась.

– Рыцарь Эйк, – сказала она с улыбкой, которую любой, кроме Геральта, мог счесть любезной. – Как же так? Я – нечисть, а вы спасаете мне жизнь?

– Вы дама, госпожа Йеннифэр. – Рыцарь чопорно поклонился. – А ваше красивое и искреннее лицо позволяет думать, что вы когда-нибудь отречетесь от чернокнижничества.

– Чернокнижия, хотели вы сказать.

Богольт фыркнул.

– Благодарю вас, рыцарь, – сухо сказала Йеннифэр. – И ведьмак Геральт также вас благодарит. Поблагодари его, Геральт.

– Да меня скорее удар хватит. – Ведьмак обезоруживающе искренне вздохнул. – За что же? Я мерзкий извращенец. А моя безобразная и лживая физиономия не сулит никаких надежд на исправление. Рыцарь Эйк вытащил меня из пропасти случайно, только потому, что я лихо-радочно цеплялся за красивую даму. Виси я там один, Эйк и пальцем бы не шевельнул. Я не ошибаюсь, рыцарь?

– Ошибаетесь, господин Геральт, – спокойно отозвался странствующий рыцарь. – Никому из нуждающихся в помощи я не отказываю. Даже ведьмаку.

– Поблагодари, Геральт. И извинись, – резко сказала чародейка. – В противном случае ты подтвердишь, что по крайней мере в отношении тебя Эйк был совершенно прав. Ты не можешь сосуществовать с людьми. Потому что ты – иной. Твое участие в экспедиции – ошибка. Тебя сюда пригнала бессмысленная цель. Поэтому будет целесообразно отделиться. Я считаю, что ты и сам это понял. А если нет, то пойми наконец.

– О какой цели вы говорите, госпожа? – вклинился Гилленстерн.

Чародейка взглянула на него, но не ответила. Лютик и Ярпен Зигрин усмехнулись многозначительно, но так, чтобы чародейка этого не заметила.

Ведьмак взглянул в глаза Йеннифэр. Они были холодны как лед.

– Прошу прощения и благодарю, рыцарь из Денесле, – наклонил он голову. – Благодарю всех присутствующих за мое непреднамеренное и поспешное спасение. Я слышал, когда висел, как вы наперегонки рвались мне на помощь. Прошу всех присутствующих простить меня. За исключением благородной Йеннифэр, которую я благодарю, ни о чем не прося. Прощайте. Мерзость по собственной воле покидает благородную компанию. Ибо вы у мерзости уже вот где сидите! Бывай, Лютик.

– Эй, Геральт! – крикнул Богольт. – Не разыгрывай из себя целочку. Не делай из мухи слона. К черту...

– Лю-ю-юди!

Со стороны устья ущелья бежали Козоед и несколько голопольских милиционеров, высланных на разведку.

– Что такое? Чего он орет? – поднял голову Нищука.

– Люди... Ваши милости... – задыхался сапожник.

– Отдышись, человек, – сказал Гилленстерн, засовывая большие пальцы за золотой пояс.

– Дракон! Там дракон!

– Где?

– За ущельем... На равнине... Господин, он...

- По коням! – скомандовал Гилленстерн.
- Нищука! – рявкнул Богольт. – На телегу! Живодер, на коня и за мной!
- В галоп, парни! – завопил Ярпен Зигрин. – Галопом, мать вашу так!
- Эй, погодите! – Лютик забросил лютню за спину. – Геральт, возьми меня на коня!
- Прыгай!

Ущелье окончилось россыпью светлых камней, все более редких, образующих неправильную окружность. За ними местность мягко понижалась, переходя в поросшую травой, слегка холмистую луговину, со всех сторон замкнутую известняковыми стенами, в которых зияли тысячи отверстий. Три узких каньона, устья высохших потоков, выходили на луговину.

Богольт первым доскакал до каменного барьера, резко осадил коня, поднялся на стременах.

- О, зараза, – сказал он. – О, чертова зараза. Этого... этого не может быть!
- Чего? – спросил Доррегарай, подъезжая. Рядом с ним Йеннифэр, спрыгнув с телеги, налегла грудью на каменную глыбу, выглянула, попятилась, протерла глаза.
- Что? Что такое? – крикнул Лютик, выглядывая из-за спины Геральта. – Что такое, Богольт?

– Дракон-то... дракон... золотой.

Не больше чем в ста шагах от каменной горловины ущелья, из которого они только что вышли, у дороги, ведущей к северной части каньона, на куполообразном невысоком холме сидело существо. Оно сидело, изогнув правильной дугой длинную изящную шею, склонив узкую голову на выпуклую грудь, оплетя хвостом передние выпрямленные лапы.

Было в этом существе, в его позе что-то невообразимо грациозное, что-то кошачье, что-то противоречащее его явно змеиной родословной. Несомненно, змеиной. Ибо существо было покрыто слепящей глаза золотой чешуей с четким рисунком. Да, существо, сидящее на холме, было золотым – золотым от острых, зарывшихся в землю когтей до конца длинного хвоста, слегка шевелящегося меж покрывающих холмик растений. Глядя на них огромными золотыми глазами, существо расправило широкие золотистые нетопыриные крылья и так сидело, неподвижное, как бы требуя, чтобы им любовались.

- Золотой дракон, – шепнул Доррегарай. – Невероятно... Живая легенда!
- Не существует в мире, чертова мать, золотых драконов, – заявил Нищука и сплюнул. – Я-то знаю, что говорю.

– А что же в таком случае сидит на холме? – трезво спросил Лютик.

– Обман какой-то...

– Иллюзия...

– Это не иллюзия, – сказала Йеннифэр.

– Это золотой дракон, – проговорил Гилленстерн. – Самый настоящий золотой дракон.

– Золотые драконы бывают только в легендах!

– Перестаньте, – вклинился Богольт. – Нечего дергаться! Любому болвану ясно, что это золотой дракон. Да и какая разница, милсдари, золотой, синий, пегий в крапинку или клетчатый? Он невелик, уделаем его в момент. Живодер, Нищука, разгружайте телегу, вытаскивайте снаряжение. Тоже мне разница – золотой не золотой.

– Есть разница, Богольт, – сказал Живодер, – и большая. Это не тот дракон, на которого мы охотимся. Не тот, подравленный под Голопольем, который сидит в яме на драгоценностях и золоте. А этот сидит только на собственной заднице. Так на кой он нам ляд?

– Это золотой дракон, Кеннет, – буркнул Ярпен Зигрин. – Ты когда-нибудь такого видел? Не понимаешь? За его шкуру мы возьмем больше, чем вытащили бы из обычного сундучища с сокровищами.

– И к тому же это не ухудшает ситуации на рынке драгоценных камней, – добавила Йеннифэр, нехорошо усмехаясь. – Ярпен прав. Договор действует. Есть что делить, разве нет?

– Эй, Богольт? – крикнул Нищука с воза, с грохотом копаясь в снаряжении. – Что надеваем на себя и лошадей? Чем эта золотая гадина может ударить? Огнем? Кислотой? Паром?

– А хрен ее знает, – задумался Богольт. – Эй, чародеи! Легенды о золотых драконах говорят, как такое чудо уделать?

– Как? А проще простого! – крикнул Козоед. – Чего тут мурыжить, а ну давайте-ка сюда животягу какую-никакую. Напихаем в нее чего-нибудь ядовитого и подкинем гаду, пусть сожрет и того...

Доррегарай искоса глянул на сапожника. Богольт сплюнул. Лютик отвернулся. На его лице читалось отвращение. Ярпен Зигрин усмехнулся, уперев руки в бока.

– Чего глазеее? – спросил Козоед. – За работу, надо решить, чем труп нафаршировать, чтобы гад поживее его заглотнул. Чем-нибудь жутко ядовитым, отравой какой смердящей или гнилью.

– Ага, – проговорил краснолюд, не переставая усмехаться. – Ядовитое, паскудное и смердящее. Ясно. Знаешь что, Козоед? Получается – ты.

– Что?

– Дерьмо ты, вот что. Мотай отседова, халтурщик, чтоб глаза мои тебя не видели.

– Господин Доррегарай, – проговорил Богольт, подходя к чародею, – оправдайте хоть чем-нибудь свое присутствие. Припомните легенды и сказания. Что вам известно о золотых драконах?

Чародей улыбнулся, гордо выпрямился.

– Что мне известно о золотых драконах, говоришь? Мало, но все-таки...

– Так слушаю.

– И слушайте, слушайте внимательно. Вон там, перед нами, сидит золотой дракон. Живая легенда, последнее, быть может, и единственное в своем роде существо, уцелевшее от вашего неудержимого стремления убивать. Легенду не убивают. Я, Доррегарай, не позволю вам тронуть этого дракона. Понятно? Можете собирать шмотки, приторачивать выюки и возвращаться по домам.

Геральт был уверен, что начнется суматоха. Он ошибался.

– Уважаемый чародей, – прервал тишину Гилленстерн, – следите за тем, что и кому вы говорите. Король Недамир может приказать вам, Доррегарай, приторочить выюки и убираться к черту. Но не наоборот. Вам это ясно?

– Нет, – гордо ответил чародей. – Неясно. Ибо я – Доррегарай, и мне не может приказывать король, владения которого можно охватить взглядом с высоты частокола, огораживающего паршивую, грязную, прости Господи, засранную крепость. Известно вам, милсдарь Гилленстерн, что стоит мне произнести заклинание и шевельнуть рукой, как вы превратитесь в коровью лепешку, а ваш незрелый король – в нечто непроизносимо худшее? Вам ясно?

Гилленстерн не успел ответить, потому что Богольт, подскочив к Доррегарая, схватил его за плечи и повернул к себе лицом. Нищука и Живодер, молчаливые и угрюмые, высунулись из-за спины Богольта.

– Послушай-ка, господин магик, – тихо сказал огромный рубайла, – прежде чем шевелить руками-то. Я мог бы долго толковать тебе, уважаемый, что обычно делаю с такими засратыми легендами и дурацкими трепачами, как ты. Но мне чтой-то не хотца. Вот тебе вместо ответа. Тебе это ясно?

Богольт кашлянул, приложил палец к носу и с близкого расстояния сморкнул чародею на мыски ботинок.

Доррегарай побледнел, но не пошевелился. Он видел – как и все – цепной шестопёр на рукояти длиной в локоть, который держал Нищука в низко опущенной руке. Он знал – как и все, – что время, нужное для заклинания, несравненно большее, чем то, какое требуется Нищуке, чтобы раскроить ему череп.

– Ну, – сказал Богольт. – А теперь аккуратненько отойди в сторонку. А ежели тебе придет охота снова раскрыть пасть, то быстренько засунь в нее пук травы. Потому как если я еще раз услышу твой вой, ты меня запомнишь.

Богольт отвернулся, потер руки.

– А ну, Нищука, Живодер, за работу, а то эта гадина еще, чего доброго, сбежит.

– Не похоже, чтобы он собирался бежать, – сказал Лютик, рассматривая поле предполагаемой битвы. – Посмотрите.

Сидевший на холмике золотой дракон зевнул, задрал голову, махнул крыльями и хлестнул по земле хвостом.

– Король Недамир и вы, рыцари! – зарычал он так, словно это была латунная труба. – Я дракон Виллентретенмерт! Похоже, не всех остановила лавина, которую, не считите это похвалой, я спустил вам на головы. Вы смогли добраться аж сюда. Вам известно, что отсюда есть три выхода. Дорогами на восток, к Голополю, и на запад, к Каингорну, можете воспользоваться. Но по северному каньону не пойдете, ибо я, Виллентретенмерт, запрещаю. Если же кто-либо не желает послушаться моего приказа, того я вызываю на бой, на честный рыцарский поединок. На конвенционном оружии, без колдовства, без полыхания огнем. Бой до полной капитуляции одной из сторон. Жду ответа через вашего герольда, как того требует обычай!

Все стояли, широко раскрыв рты.

– Он умеет говорить! – просипел Богольт. – Невероятно!

– К тому же жуть как мудро, – сказал Ярпен Зигрин. – Кто-нибудь из вас знает, что такое конфессионное оружие?

– Конвенционное, а не конфессионное. Обычное, а не магическое, – сказала Йеннифэр насупившись. – Однако меня удивляет другое. Невозможно членораздельно говорить, если у тебя раздвоенный язык. Этот стервец пользуется телепатией. Будьте внимательны, это действует двусторонне. Он может читать ваши мысли.

– Он что, вконец спятил или как? – заволновался Кеннет Живодер. – Честный поединок? С дурным-то гадом? Еще чего! А ну пошли на него кучей! В куче – сила.

– Нет!

Они оглянулись.

Эйк из Денесле, уже на коне, в полном вооружении, с пикой при стремени, выглядел гораздо солиднее, чем пеший. Из-под поднятого забрала лихорадочно блестели глаза, светилось бледное лицо.

– Нет, господин Кеннет, – повторил рыцарь. – Только через мой труп. Я не допущу, чтобы в моем присутствии оскорбляли рыцарскую честь. Тот, кто рискнет нарушить принципы рыцарского поединка...

Эйк говорил все громче, его возбужденный голос то и дело ломался и дрожал от волнения.

– ...кто оскорбляет честь, тот оскорбляет и меня, и кровь его либо моя прольется на сию измученную землю. Скотина требует поединка? Хорошо! Пусть герольд протрубит мое имя! Да исполнится воля богов! У дракона сила клыков, когтей и дьявольская злоба, а у меня...

– Ну кретин, – буркнул Ярпен Зигрин.

– А у меня благородство, у меня вера, у меня слезы девушек, которых этот гад...

– Кончай, Эйк, тошнит! – рыкнул Богольт. – Дальше, в поле! Принимайся за дракона, чем болтать-то!

– Эй, Богольт, погоди, – вдруг сказал краснолюд, почесав бороду. – Забыл об уговоре? Если Эйк положит гадину, он возьмет себе половину...

– Эйк ничего не возьмет, – ощерился Богольт, – я его знаю. Ему достаточно, если Лютик сложит о нем песенку.

– Тихо! – крикнул Гилленстерн. – Да будет так. Против дракона выступит благородный странствующий рыцарь Эйк из Денесле, бьющийся в цветах Каингорна и тем самым олицетворяющий копье и меч короля Недамира. Таково королевское решение.

– Извольте! – заскрежетал зубами Ярпен Зигрин. – Копье и меч Недамира. Уделал нас каингорнский кролик. И что теперь?

– А ничего, – сплюнул Богольт. – Надеюсь, ты не думаешь связываться с Эйком, Ярпен? Он болтает ерунду, но уж коли забрался на кобылу и его понесло, то лучше отойти с дороги. Пусть идет, зараза, и пусть укокошит дракона. А там посмотрим.

– Кто будет герольдом? – спросил Лютик. – Дракон требовал герольда. Может, я?

– Нет. Это тебе не песенки распевать, Лютик, – поморщился Богольт. – Пусть герольдом будет Ярпен Зигрин. У него голос как у бугая.

– Лады. А чего? – сказал Ярпен. – Давайте сюда знаменщика со знаком, чтобы все было как положено.

– Только говорите вежливо, господин краснолюд. И изысканно, – напомнил Гилленстерн.

– Не учите меня жить, – гордо выпятил живот краснолюд. – Я ходил послом, когда вы еще хлеб называли «ням-ням», а мух – «муф-муф».

Дракон по-прежнему спокойно сидел на холме, весело помахивая хвостом. Краснолюд вскарабкался на самый большой валун, откашлялся и сплюнул.

– Эй, ты там! – заорал он, взявшись за бока. – Дракон поиметый! Слушай, чего тебе герольд скажет. Я, сталбыть! Первым за тебя благородно примется странствующий, мать его так, рыцарь Эйк из Денесле! И всадит тебе пику в брюхо, как того требует священный обычай, на погибель тебе и на радость бедненьким девицам и королю Недамиру! Драка должна быть честной и по правилам, пыхать огнем не можно, а только конфессионально дубасить друг дружку, пока энтот другой лапти не откинёт, не помрет, сталбыть! Чего тебе от души и сердца желаем. Усек, дракон?

Дракон зевнул, взмахнул крыльями, потом, припав к земле, быстро спустился с холма на ровное место.

– Понял, уважаемый герольд! – прорычал он. – Так пусть же выйдет на поле боя благородный Эйк из Денесле. Я готов!

– Ну прям цирк, да и только. – Богольт сплюнул, угрюмым взглядом проводил Эйку, шагом выезжавшего из-за барьера камней. – Уссаться можно...

– Заткнись, Богольт! – крикнул Лютик, потирая руки. – Смотри, Эйк намерен атаковать! Черт побери, вот будет баллада – всем балладам баллада!

– Уррра! Хвала Эйку! – крикнул кто-то из группы лучников Недамира.

– А я, – угрюмо бросил Козоед, – я б его все ж для верности начинил серой.

Эйк, уже в поле, отсалютовал дракону поднятой пикой, опустил забрало и пришпорил коня.

– Ну-ну, – сказал краснолюд. – Глуп-то он, может, и глуп, но в атаках сечет. Гляньте только!

Эйк, наклонившись и укрепившись в седле, на полном скаку опустил пику. Дракон, против ожидания Геральта, не отскочил, не пошел полукругом, а, прижавшись к земле, кинулся прямо на атакующего рыцаря.

– Бей его! Бей, Эйк! – рявкнул Ярпен.

Эйк, хоть и мчался галопом, не ударил вслепую, куда попало. В последний момент он ловко изменил направление, перекинул пику над головой лошади. Проносясь мимо дракона, ударил изо всей силы, привстав на стременах. Все крикнули в один голос. Геральт к хору не присоединился.

Дракон ушел от удара мягким, ловким, полным грации поворотом и, свернувшись, словно живая золотая лента, молниеносно, но тоже мягко, истинно по-кошачьи, достал лапой

живот коня. Конь споткнулся, высоко подкинул круп, рыцарь качнулся в седле, но пики не выпустил. В тот момент, когда лошадь почти зарылась ноздрями в землю, дракон резким движением лапы смел Эйка с седла. Все увидели взлетевшие в воздух, кружащие пластины лат, услышали грохот и звон, с которым рыцарь свалился на землю.

Дракон, присев, придавил коня лапой, опустил зубастую пасть. Конь душераздирающе взвизгнул, рванулся и утих.

В наступившей тишине прозвучал глубокий голос Виллентретенмерта:

– Мужественного Эйка из Денесле можно убрать с поля, он не способен к дальнейшему бою. Следующий.

– Ну, курва, – бросил Ярпен Зигрин в наступившей тишине.

8

– Обе ноги, – сказала Йеннифэр, вытирая руки льняной тряпкой. – И кажется, что-то с позвоночником. Латы на спине вмяты, словно он получил железной палицей. А ноги – ну, это из-за собственной пики. Не скоро он снова сядет в седло, если сядет вообще.

– Профессиональный риск, – буркнул Геральт.

– Это все, что ты можешь сказать? – поморщилась чародейка.

– А что бы ты хотела услышать?

– Дракон невероятно скор, Геральт. Слишком скор, чтобы с ним мог тягаться человек.

– Понял. Нет, Йен. Я – пас.

– Принципы? – ядовито усмехнулась чародейка. – Или самый обычный страх? Это единственная человеческая эмоция, которую в тебе не уничтожили?

– И то и другое, – равнодушно согласился ведьмак. – Какая разница?

– Вот именно. – Йеннифэр подошла поближе. – Никакой. Принципы можно нарушить, страх – преодолеть. Убей дракона. Ради меня.

– Ради тебя?

– Ради меня. Мне нужен этот дракон, Геральт. Весь. Я хочу получить его только для себя одной.

– Используй чары и убей.

– Нет. Убей его ты. А я чарами сдержу рубайл и остальных, чтобы не мешали.

– Будут трупы, Йеннифэр.

– С каких пор тебе это мешает? Займись драконом, я беру на себя людей.

– Йеннифэр, – холодно сказал Геральт, – не понимаю. Зачем тебе дракон? Неужто тебя до такой степени ослепил золотой блеск его чешуи? Ты же не бедствуешь, у тебя неисчерпаемый источник прокорма, ты знаменита. В чем же дело? Только не говори мне о призвании, прошу тебя.

Йеннифэр молчала, наконец, скривив губы, с размаху пнула лежащий в траве камень.

– Существует человек, который может мне помочь. Кажется, это... ты знаешь, о чем я... Кажется... это не необратимо. Есть шанс. Я еще могу иметь... Понимаешь?

– Понимаю.

– Это очень сложная операция, очень дорогая. Но взамен за золотого дракона... Геральт? Ведьмак молчал.

– Когда мы висели на мосту, – проговорила чародейка, – ты просил меня кое о чем. Я исполню твою просьбу. Несмотря ни на что.

Ведьмак грустно улыбнулся, указательным пальцем коснулся обсидиановой звезды на шее Йеннифэр.

– Слишком поздно, Йен. Мы уже не висим. Я раздумал. Несмотря ни на что.

Он ожидал самого худшего, клубов огня, молнии, удара в лицо, оскорблений, проклятий. И удивился, видя только сдерживаемую дрожь губ. Йеннифэр медленно отвернулась. Геральт пожалел о сказанном. Ему было стыдно за прорвавшиеся эмоции. Предел возможного, который он переступил, лопнул, словно струна лютни. Он взглянул на Лютика, успел заметить, как трубадур быстро отвернулся, избегая его взгляда.

– Ну так, с проблемами рыцарской чести покончено! – воскликнул уже нацепивший латы Богольт, встав перед Недамиром, все еще сидевшим на камне. – Рыцарская честь все еще валяется там и стонет. – Выражение скуки не покидало лица короля. – Глупо было, милсдарь Гилленстерн, выпускать Эйка в качестве вашего рыцаря и вассала. Я не собираюсь указывать пальцем, но знаю, кому Эйк обязан сломанными ногами. Выходит, мы быстренько, одним махом, отделались от двух проблем. От одного психа, собиравшегося по-идиотски оживлять легенды о смелом рыцаре, в поединке побеждающем дракона, и одного пройдохи, который думал на этом подзаработать. Вы знаете, о ком я говорю, Гилленстерн? Ну и лады. А теперь наш черед. Теперь дракон наш. Теперь мы, рубайлы, прикончим его. Но уже для себя.

– А уговор, Богольт? – процедил канцлер. – Как с уговором?

– В заднице у меня ваш уговор, многоуважаемый Гилленстерн.

– Это кощунство! Это измышительство над королем! – топнул ногой канцлер. – Королем Недамиром...

– Ну что король? Что король-то? – крикнул Богольт, опираясь на огромный двуручный меч. – Может, король желает самолично пойти на дракона? А может, вы, его верный слуга, упихаете в латы свое брюхо и выйдете в поле? Почему бы нет, извольте, мы подождем, ваша милость. У вас был шанс, Гилленстерн. Если бы Эйк прикончил дракона, вы получили бы его целиком, нам не досталось бы ничего, ни единой золотой чешуйки с его хребта. А теперь поздно. Протрите глаза. Некому биться в цветах Каингорна. Второй такой дурень, как Эйк, не сыщется!

– Неправда! – Сапожник Козоед припал к королю, все еще занятому рассматриванием только ему одному ведомой точки на горизонте. – Ваше величество, милсдарь король! Погоните малость, скоро подойдут наши из Голополья! Наплюйте вы на выпендривающихся дворян, гоните их взашей! Увидите, как действуют те, кто силен рукой, а не словами!

– Закрой хайло, – спокойно бросил Богольт, стирая пятнышко ржавчины с нагрудника. – Заткни хайло, хам, не то я заткну тебе его так, что зубы в горле застрянут.

Козоед, видя приближающихся Кеннета и Нищуку, попятился за спины голопольских милиционеров.

– Король! – крикнул Гилленстерн. – Что прикажешь, король?

Гримаса безразличия вдруг сползла с лица Недамира. Несовершеннолетний монарх сморщил веснушчатый нос и встал.

– Что прикажу? – тоненько произнес он. – Наконец-то ты спросил об этом, Гилленстерн, вместо того чтобы решать за меня и говорить за меня и от моего имени. Очень рад. Отныне пусть так и будет. С этой минуты ты будешь молчать, Гилленстерн, и слушать приказы. И вот первый: собирай людей, вели положить на телегу Эйка из Денесле. Мы возвращаемся в Каингорн.

– Ваше...

– Ни слова, Гилленстерн. Госпожа Йеннифэр, благородные господа, я прощаюсь с вами. Я потерял на этой экспедиции немного времени, но и получил многое. Многому научился. Благодарю вас за слова, госпожа Йеннифэр, господин Доррегарай, господин Богольт. И благодарю за молчание, господин Геральт.

– Король, – сказал Гилленстерн. – Как же это? Что же это? Дракон уже вот-вот. Руку протянуть. Король, твоя мечта...

– Моя мечта, – задумчиво повторил Недамир. – У меня ее еще нет. А если я здесь останусь... Может, тогда ее у меня уже не будет никогда.

– А Маллеора? А рука княжны? – не сдавался канцлер, размахивая руками. – А трон? Король, тамошний народ признает тебя...

– В задницу тамошний народ, как любит говорить господин Богольт, – засмеялся Недамир. – Трон Маллеоры и без того мой, потому что у меня в Каингорне триста латников и полторы тысячи пеших против их тысячи зазнавшихся щитников. А признать меня они и без того признают. Я до тех пор буду вешать, сносить головы и волочить по улицам лошадьми, пока меня не признают. А их княжна – это жирная телка, и плевать мне на ее руку, мне нужна только ее... короче, пусть родит наследника, а потом я ее все равно отравлю. Методом мэтра Козоеда. Довольно болтать, Гилленстерн. Приступай к выполнению полученного приказа.

– Воистину, – шепнул Лютик Геральту, – он многому научился.

– Многому, – подтвердил Геральт, глядя на холмик, на котором золотой дракон, опустив узкую треугольную голову, лизал ярко-красным раздвоенным языком что-то такое, что сидело в траве около него. – Но не хотел бы я быть его подданным, Лютик.

– И что теперь с нами будет, как думаешь?

Ведьмак спокойно смотрел на маленькое серо-зеленое существо, трепыхавшее крылышками летучей мыши рядом с золотыми когтями наклонившегося дракона.

– А как тебе все это, Лютик? Что ты об этом думаешь?

– Какое значение имеет, что я думаю? Я поэт, Геральт. Разве мое мнение кому-то интересно?

– Интересно.

– Ну так я тебе скажу. Я, Геральт, когда вижу гада, змею, допустим, или другую ящерку, то меня аж тошнить начинается, так я этим паскудством брезгую и боюсь. А вот этот дракон...

– Ну?

– Он... Он красивый, Геральт.

– Спасибо, Лютик.

– За что?

Геральт повернул голову, медленно потянулся к пряжке ремня, наискось пересекавшего грудь, затянул его на две дырочки. Поднял правую руку, проверяя, в нужном ли положении находится рукоять меча. Лютик смотрел на него, широко раскрыв глаза.

– Геральт! Ты собираешься...

– Да, – спокойно сказал ведьмак. – Есть предел возможному. С меня достаточно. Ты идешь с Недамиром или остаешься, Лютик?

Трубадур наклонился, осторожно и заботливо положил лютню рядом с камнем, выпрямился.

– Остаюсь. Как ты сказал? Предел возможному? Оставляю себе право так назвать балладу.

– Это может быть твоя последняя баллада, Лютик.

– Геральт?

– Что?

– Не убивай его... Можешь?

– Меч – это меч, Лютик. Уж коли его возьмешь в руки...

– Постарайся.

– Постараюсь.

Доррегарай захихикал, повернулся к Йеннифэр и рубайлам, указал на удаляющийся королевский обоз.

– Вон там, смотрите, – сказал он, – уходит король Недамир. Больше он уже не отдает королевских приказов устами Гилленстерна. Он уходит, послушавшись гласа рассудка. Хорошо, что ты здесь, Лютик. Думаю, тебе есть смысл начать сочинять балладу.

– О чем?

– А вот о том, – чародей вынул из-за пазухи палочку, – как мэтр Доррегарай, чернокнижник, погнал по домам паршивцев, пожелавших по-паршивски убить последнего золотого дракона, оставшегося на свете. Не двигайся, Богольт! Ярпен, руки прочь от топора! И не вздумай пошевелиться, Йеннифэр! Вперед, паршивцы, за королем, как за родной матерью, марш! Марш по коням, по телегам. Предупреждаю: кто сделает хотя бы одно неверное движение, от того останется вонь и стеклышко на песке. Я не шучу.

– Доррегарай! – прошипела Йеннифэр.

– Уважаемый чародей, – дружелюбно проговорил Богольт, – ну нельзя же так...

– Молчи, Богольт. Я сказал: дракона не трогать. Легенду не убивают. Кру-у-угом – и прочь отсюда.

Йеннифэр неожиданно выбросила руку вперед, и земля вокруг Доррегарая вздыбилась голубым огнем, запылала пылью разорванного дерна и щебня. Чародей покачнулся, охваченный пламенем. Нищука, подскочив, ударил его в лицо костяшками пальцев. Доррегарай упал, из его палочки вырвалась красная молния и погасла в камнях. Живодер, подскочив с другой стороны, пнул лежащего чародея, размахнулся, чтобы повторить. Геральт прыгнул между ними, оттолкнул Живодера, выхватил меч, ударил, метаясь между наплечником и нагрудником лат. Ему помешал Богольт, парировав удар широким клинком двуручного меча. Лютик поставил ногу Нищуке, но впустую – Нищука вцепился в яркий кафтан барда и вlepил ему кулаком меж глаз. Ярпен Зигрин, подскочив сзади, подрубил Лютику ноги, ударив топорищем под коленями.

Геральт собрался в пируэте, ускользнул от меча Богольта, коротко ударил подлетевшего к нему Живодера и сорвал с него железный наручник. Живодер отскочил, споткнулся, упал. Богольт гакнул, шибанул мечом, как косой. Геральт проскочил над свистящим лезвием, головкой меча саданул Богольта в нагрудник, откинул, ударил, метая в щеку. Богольт, видя, что не сумеет парировать тяжелым мечом, бросился назад, упал навзничь. Ведьмак подскочил к нему и в этот момент почувствовал, что земля уходит у него из-под немеющих ног. Увидел, как горизонт становится дыбом. Напрасно пытаясь сложить пальцы в защитный знак, он тяжело ударился боком о землю, выпустив меч из помертвевшей руки. В ушах гудело и шумело.

– Свяжите их, пока действует заклинание, – сказала Йеннифэр откуда-то сверху и очень издалека. – Всех троих.

Доррегарай и Геральт, оглушенные и бессильные, не сопротивляясь, позволили себя спутать и привязать к телеге. Лютик рвался и ругался, поэтому еще до того, как его связали, получил по физиономии.

– Зачем их связывать, предателей, сукиных сынов, – сказал Козоед, подходя. – Укокошить сразу, и кранты.

– Сам ты сын, к тому же сучий, – сказал Ярпен Зигрин. – Не оскорбляй собак. Пшел вон, подметка гнилая.

– Ишь какие смелые, – проворчал Козоед. – Поглядим, достанет ли вам храбрости, когда мои из Голополя подойдут, а они уже вот-вот. Посмо...

Ярпен, вывернувшись с неожиданной при его тучности ловкостью, треснул сапожника топорищем в лоб. Стоявший рядом Нищука добавил пинком. Козоед пролетел несколько сажен и зарылся носом в траву.

– Вы это попомните! – крикнул он, стоя на четвереньках. – Всех вас...

– Парни! – рявкнул Ярпен Зигрин. – Надавайте сапожнику по заду, дратва его мать! Хватай его, Нищука!

Козоед ждать не стал. Вскочил и рысью кинулся в сторону восточного каньона. За ним последовали голопольские охотники. Краснолюды с хохотом кидали им в спины камни.

– Сразу как-то воздух чище стал, – засмеялся Ярпен. – Ну, Богольт, беремся за дракона.

– Не спешите, – подняла руку Йеннифэр. – Братся-то вы можете, да только за ноги. За свои. Все, сколько вас тут есть.

– Не понял? – Богольт ссутулился, глаза его зловеще разгорелись. – Что вы сказали, госпожа ведьма?

– Выматывайтесь отсюда вслед за сапожником, – повторила Йеннифэр, – все. Я сама управлюсь с драконом. Неконвенционным оружием. А на прощание можете меня поблагодарить. Не вмешайся я, вы испробовали бы на себе ведьмачьего меча. Ну, быстренько, Богольт, не заставляй меня нервничать. Предупреждаю, я знаю заклинание, с помощью которого могу превратить вас в меринов. Достаточно рукой пошевелить.

– Ну уж нет, – процедил Богольт. – Мое терпение дошло до предела возможного. Не позволю делать из себя идиота. Живодер, отцепи-ка дышло. Чую, и мне понадобится неконвенционное оружие. Сейчас, с вашего позволения, кто-то отхватит по крестцу. Я не стану тыкать пальцем, но сей момент получит по крестцу одна паршивая ведьма.

– Только попробуй, Богольт. Доставь мне удовольствие.

– Йеннифэр, – укоризненно сказал краснолюд. – Почему?

– А может, я просто не люблю делиться, Ярпен?

– Ну что ж, – усмехнулся Ярпен Зигрин. – Глубоко человеческое чувство. Настолько человеческое, что не хуже краснолюдского. Приятно видеть свойские... свойства у чародейки. Потому как и я тоже не люблю делиться, Йеннифэр.

Он согнулся и коротко замахнулся. Железный шар, появившийся неведомо откуда и когда, свистнул в воздухе и ударил Йеннифэр в лоб. Прежде чем чародейка успела прийти в себя, она уже висела в воздухе, удерживаемая за руки Живодером и Нищукой, а Ярпен опутывал ей щиколотки веревкой. Йеннифэр яростно крикнула, но один из стоявших позади парней Ярпена закинул ей ременные поводья на голову, сильно стянул, ремень, врезавшийся в раскрытый рот, заглушил крик.

– Ну и как, Йеннифэр? – спросил Богольт, подходя. – Как же ты сделаешь из меня мерина? Коль и рукой не можешь пошевелить?

Он разорвал ей воротник кафтанчика, рубашку. Йеннифэр визжала, давясь поводьями.

– Нет у меня сейчас времени, – проговорил Богольт, бесстыже ощупывая ее под ржание краснолюдов, – но погоди малость, ведьма. Прикончим дракона – поиграем. Привяжите ее как следует к колесу, парни. Обе лапки к ободу, так, чтобы она и пальцем не пошевелила. И пусть ее теперь никто не трогает, мать вашу так, прошу прощения. Очередность установим в зависимости от того, кто как покажет себя с драконом. Эй, кто-нибудь, уберите ремень.

– Богольт, – проговорил связанный Геральт тихо, спокойно и зловеще. – Осторожней. Я отыщу тебя на краю света.

– Удивительно, – ответил рубайла так же спокойно. – Удивительно. Я б на твоём месте сидел тихо. Я знаю тебя и вынужден серьезно отнестись к угрозе. У меня не будет выхода. Ты можешь не выжить, ведьмак. Мы еще вернемся к этому вопросу. Нищука, Живодер, на коней.

– Ну, судьба, – застонал Лютик. – На кой ляд я ввязался?

Доррегарай, наклонив голову, рассматривал сгустки крови, медленно капавшие из носа на живот.

– Может, перестанешь глазеть! – с трудом выговорила чародейка, словно змея, извиваясь в веревочной петле и напрасно пытаясь скрыть обнаженные прелести. Ведьмак послушно отвернулся. Лютик – нет.

– На то, что я вижу, – засмеялся бард, – ты небось использовала никак не меньше бочонка эликсира из поскрипа, Йеннифэр. Кожа как у шестнадцатилетки, искусай меня гусыня.

– Заткнись, курвин сын! – взывала чародейка.

– Сколько тебе, собственно, лет, Йеннифэр? – продолжал Лютик. – Сотни две? Ну, скажем, сто пятьдесят. А сохранилась как...

Йеннифэр вывернула шею и плюнула в него, но промахнулась.

– Йен, – укоризненно сказал ведьмак, вытирая оплеванное ухо о плечо.

– Пусть он перестанет глазеть!

– И не подумаю, – сказал Лютик, не спуская глаз с роскошной картины, каковую представляла собой растрепанная чародейка. – Ведь мы из-за нее тут сидим, и нам могут перерезать горло. А ее, самое большее, изнасилуют, что в ее-то возрасте...

– Заткнись, Лютик, – сказал ведьмак.

– И не подумаю, – повторил бард. – Я как раз собираюсь сложить балладу о двух сиськах и попрошу не мешать...

– Лютик, – Доррегарай потянул кровоточащим носом, – будь серьезным.

– Я и так чертовски серьезен.

Богольт, поддерживаемый двумя краснолюдами, с трудом вскарабкался в седло, тяжелый и неуклюжий от лат и наложенных на них кожаных защитных пластин. Нищука и Живодер уже сидели на конях, держа поперек седел огромные двуручные мечи.

– Лады, – кашлянул Богольт. – Пошли на него.

– Э нет, – произнес глубокий голос, звучавший как латунная труба. – Это я пришел к вам!

Из-за кольца валунов вынырнула, посверкивая золотом, длинная морда, стройная шея, вооруженная рядом треугольных зубчатых выростов, когтистые лапы. Злые змеиные глаза с вертикальными зрачками глядели из-под роговых век.

– Я не мог усидеть на поле, – сказал дракон Виллентретенмерт, осматриваясь, – потому пришел сам. Охотников биться вроде бы все меньше?

Богольт взял поводья в зубы, а длинный меч – в обе руки.

– Еффо фатит, – сказал он невнятно, грызя ремень. – Ну, ты готоф? Тафай!

– Готов, – сказал дракон, выгибая спину дугой и нагло задирая хвост.

Богольт оглянулся. Нищука с Живодером медленно, нарочито спокойно обходили дракона с двух сторон. Сзади ждали Ярпен Зигрин и его парни с топорами в руках.

– А-а-ах! – рявкнул Богольт, ударив коня пятками и поднимая меч.

Дракон сжался, припал к земле и сверху, из-за собственного хребта, словно скорпион, ударил хвостом, целясь не в Богольта, а в Нищуку, нападавшего сзади. Нищука под аккомпанемент звона, хруста и ржания свалился вместе с конем. Богольт, припав в галопе, рубанул, дракон ловко отскочил от широкого лезвия. Инерция галопа пронесла Богольта мимо. Дракон вывернулся, встал на задние лапы и рванул когтями Живодера, одним ударом разорвав живот лошади и бедро наезднику. Богольт, сильно откинувшись в седле, сумел завернуть коня и, не отпуская вожжей из зубов, атаковал снова.

Дракон хлестнул хвостом по бегущим к нему краснолюдам, повалил всех на землю и бросился на Богольта, как бы мимоходом прихлопнув Живодера, пытавшегося встать. Богольт, мотая головой, пробовал управлять разъяренным конем, но дракон был гораздо проворнее. Хитро зайдя Богольту слева, чтобы затруднить тому удары, он хватил его когтистой лапой. Конь встал на дыбы и кинулся вбок. Богольт вылетел из седла, выпустил меч и потерял шлем, рухнул спиной на землю, ударившись головой о камень.

– Ходу, парни! В горы! – взывал Ярпен Зигрин, перебивая рев Нищуки, придавленного конем. Развевая бородами, краснолюды рванулись к скалам со скоростью, поразительной при их коротких ногах. Дракон не преследовал. Он спокойно сидел и осматривался. Нищука

метался и орал под конем, Богольт лежал неподвижно. Живодер отполз к скалам боком, словно огромный металлический краб.

– Невероятно, – шептал Доррегарай. – Невероятно...

– Эй! – Лютик рванулся в веревках так, что телега затряслась. – Что это? Вон там? Глядите!

Со стороны восточного каньона ползла огромная туча пыли, вскоре до них донеслись крики, топот. Дракон вытянул шею, рассматривая.

На равнину выкатились три большущие телеги, забитые вооруженными людьми. Разделившись, они начали окружать дракона.

– Это... Черт побери, это же милиция и цеховые из Голополья! – крикнул Лютик. – Они обошли истоки Браа! Да, это они! Гляньте-ка, Козоед, там, впереди!

Дракон опустил голову, нежно подтолкнул к возу маленькое, серенькое, попискивающее существо. Потом ударил хвостом о землю, зарычал и стрелой помчался навстречу голопольцам.

– Что это? – спросила Йеннифэр. – Это маленькое? То, что копошится в траве? Геральт?

– Это то, что дракон защищал от нас, – сказал ведьмак. – То, что недавно проклянулось в пещере, там, в северном каньоне. Дракончик, вылупившийся из яйца драконицы, отравленной Козоедом.

Дракончик, спотыкаясь и елозя по земле выпуклым животиком, неуверенно подбежал к телеге, пискнул, встал столбиком, растопырив крылышки, потом, не задумываясь, прижался к бедру чародейки. Йеннифэр с растерянным выражением лица громко вздохнула.

– Он тебя любит, – проворчал Геральт.

– Маленький, а не дурак. – Лютик, вывернувшись в узах, ощерился. – Гляньте, куда мордашку-то сунул, хотел бы я быть на его месте, черт побери! Эй, малый, беги! Это Йеннифэр! Гроза драконов. И ведьмаков. Во всяком случае – одного ведьмака. Это уж точно.

– Помолчи, Лютик! – крикнул Доррегарай. – Глядите туда, на поле! Они уже на него напали, гром их разрази!

Телеги голопольцев, гремя, как боевые колесницы, мчались на мчащегося к ним дракона.

– Бей его! – орал Козоед, вцепившись в плечи возницы. – Бей, братва, куда попало и чем попало! Не жалей!

Дракон ловко отскочил от наезжающего на него первого воза, искрящегося остриями кос, вил и рогатин, но попал между двумя другими, из которых на него упала запущенная ремнями огромная двойная рыбацкая сеть. Дракон, запутавшись, повалился, рванулся, сжался в клубок, растопырил лапы. Сеть, разрываема на куски, громко затрещала. С первой телеги, которая уже успела развернуться, на него кинули новые сети, полностью опутавшие его. Две оставшиеся телеги развернулись и помчались к дракону, тарахтя и подскакивая на выбоинах.

– Попался в сети, карась! – орал Козоед. – Сейчас мы с тебя чешуи-то сдерем!

Дракон зарычал, пальнул вздымающимся к небу клубом дыма. Голопольские милиционеры кинулись к нему, соскакивая с телег. Дракон снова зарычал, отчаянно, вибрирующим рыком.

Из северного каньона отозвался высокий боевой клич.

Вытянувшись в сумасшедшем галопе, развевая светлыми косами, пронзительно визжа, окруженные мигающими розблесками сабель, из каньона вылетели...

– Зерриканки! – крикнул ведьмак, бессильно дергая веревки.

– О дьяволыщина! – подхватил Лютик. – Геральт! Понимаешь?

Зерриканки промчались через толпу голопольцев, точно раскаленный нож сквозь кусок масла, помечая свой путь порубанными трупами, на ходу соскочили с коней, остановились около рвущегося в сетях дракона. Первый из подбежавших милиционеров тут же лишился головы. Второй замахнулся на Вэю вилами, но зерриканка, держа саблю обеими руками, распорол его от промежности до груди. Остальные поспешно ретировались.

– По телегам! – крикнул Козоед. – По телегам, ребята! Задавим их телегами!

– Геральт! – вдруг крикнула Йеннифэр, подгибая связанные ноги и резким движением всовывая их под вывернутые назад связанные руки ведьмака. – Знак Игни. Пережигай! Нашупал веревку? Пережигай, мать...

– Вслепую? – ахнул Геральт. – Я же тебя обожгу, Йен!

Он послушался, почувствовал, как печет пальцы, сложенные в знак Игни над связанными щиколотками. Йеннифэр отвернулась, стиснула зубами воротник кафтанчика, сдерживая стон. Дракончик, пища, тыркался крылышками ей в бок.

– Йен!

– Пережигай! – взывала она.

Узы сдали в тот момент, когда отвратительная удушливая вонь горячей кожи стала невыносимой. Доррегарай издал странный звук и, потеряв сознание, повис на веревках у колеса телеги.

Чародейка, скривившись от боли, напряглась, поднимая уже свободную ногу. Крикнула яростным, полным боли и злобы голосом. Медальон на шее Геральта рвался словно живой. Йеннифэр напряжила бедро и, махнув ногой в сторону атакующих голопольских телег, прокричала заклинание. Воздух заискрился, пахло озоном.

– О боги, – изумленно простонал Лютик. – Какая будет баллада!

Заклятие, брошенное стройной ножкой, не совсем удалось чародейке. Первая телега вместе со всем, что в ней находилось, просто окрасилась в золотой, словно бабочка-калужница, цвет, чего голопольские вояки в пылу боя просто не заметили. Со второй телегой дело пошло лучше – весь ее экипаж мгновенно превратился в огромных пупырчатых лягушек, которые, потешно квакая, прыгнули во все стороны. Телега, лишившись управления, перевернулась и разлетелась в щепы. Кони, истерически ржа, умчались, волоча за собой сломанное дышло.

Йеннифэр закусил губу и снова махнула в воздухе ногой. Калужно-золотой воз, сопровождаемый бравурными звуками, долетавшими откуда-то сверху, неожиданно превратился в золотистый дым, а бойцы оказались в траве, образовав красочную кучу малу. Колеса третьей телеги из круглых превратились в квадратные. Результат сказался незамедлительно. Кони встали на дыбы, телега перевернулась, а голопольское войско вывалилось на землю. Йеннифэр, уже из чистой мстительности, яростно махала ногой и выкрикивала заклятия, превращая голопольцев в черепах, гусей, тысяченожек, фламинго и поросят. Зерриканы ловко и методично дорезали остальных.

Дракон, разорвав наконец сеть в клочья, вскочил, захлопал крыльями, зарычал и помчался, вытянувшись струной, за уцелевшим от бойни сапожником Козоедом. Козоед несея быстрее лани, но дракон был еще быстрее. Геральт, видя раскрывающуюся пасть и блестящие, острые как кинжалы зубы, отвернулся. Услышал чудовищный вопль и жуткий хруст. Лютик глупо хихикнул. Йеннифэр, бледная как полотно, согнулась пополам, вывернулась набок, и ее вырвало под телегу.

Наступила тишина, прерываемая лишь соответствующим гоготом, кваканьем и попискиванием недобитых голопольских милиционеров.

Вэя, нехорошо усмехаясь, встала над Йеннифэр, широко расставив ноги. Подняла саблю. Йеннифэр, бледнее, подняла ногу.

– Нет, – сказал Борх по прозвищу Три Галки, сидевший на камне. На коленях он держал дракончика, спокойного и довольного.

– Не надо убивать госпожу Йеннифэр, – повторил дракон Виллентретенмерт. – Теперь уже нет смысла. Больше того, теперь мы благодарны госпоже Йеннифэр за неоценимую помощь. Освободи ее, Вэя.

– Ты понимаешь, Геральт, – шепнул Лютик, растирая затекшие руки. – Понимаешь? Есть такая древняя легенда о золотом драконе. Золотой дракон может...

– Может принять любой облик, – проворчал Геральт. – Человеческий тоже. Я где-то слышал об этом, но не верил.

– Господин Ярпен Зигрин! – крикнул Виллентретенмерт краснолюду, вцепившемуся в отвесную скалу в двадцати локтях от земли. – Чего вы там ищете? Сурков или сусликов? Это вроде бы не ваше любимое блюдо, насколько я помню. Спускайтесь и займитесь рубайлами. Им нужна помощь. Я больше не буду убивать. Никого.

Лютик беспокойно поглядывал на зерриканоков, зорко осматривавших поле боя, пытался привести в чувство все еще лежавшего без сознания Доррегарая. Геральт смазывал мазью и перевязывал обожженные щиколотки Йеннифэр. Чародейка шипела от боли и бурчала заклинания.

Покончив с делом, ведьмак встал.

– Останьтесь здесь, – сказал он, – мне надо с ним поговорить.

Йеннифэр, морщась, встала.

– Я с тобой, Геральт, – взяла она его под руку. – Можно? Я тебя провожу, Геральт.

– Со мной? Я думал...

– Не думай, – прижалась она к его плечу.

– Йен?

– Все хорошо, Геральт.

Он взглянул ей в глаза. Теплые. Как прежде. Он наклонил голову и поцеловал ее в губы, горячие, мягкие и жадные. Как прежде.

Подожли. Йеннифэр, поддерживаемая Геральтом, глубоко, как перед королем, присела, взяв платье кончиками пальцев.

– Три Гал... Виллентретенмерт, – произнес ведьмак.

– Мое имя в вольном переводе на ваш язык означает Три Черные Птицы, – сказал дракон. Дракончик, вцепившись коготками в его предплечье, подставил шейку под ласкающую руку.

– Хаос и Порядок, – улыбнулся Виллентретенмерт, – помнишь, Геральт? Хаос – это агрессия. Порядок – защита от нее. Следовало мчаться на край света, чтобы противодействовать агрессии и злу, правда, ведьмак? Особенно когда плата, по твоим словам, соответствующая. А на этот раз она явно соответствовала. Это были сокровища драконицы Миргтабракке, той, которую отравили под Голополем. Она призвала меня, чтобы я помог ей, отразил грозящее ей зло. Миргтабракке уже улетела. Вскоре после того, как с поля унесли Эйка из Денесле. Времени у нее было предостаточно, пока вы болтали и скандалили. Но она оставила мне свое сокровище, мою плату.

Дракончик пискнул и затрепыхал крылышками.

– Так ты тоже...

– Да, – прервал дракон. – Что делать, такие времена. Существа, которых вы привыкли называть чудовищами, с некоторых пор чувствуют все большую угрозу со стороны людей. Они уже не могут управиться сами. Им нужен защитник. Этакый... ведьмак.

– А цель... цель, которая – в конце пути?

– Вот она. – Виллентретенмерт поднял предплечье. Дракончик испуганно запищал. – Я ее достиг. Благодаря ему я выдержу, Геральт из Ривии, докажу, что пределов возможному нет. Ты тоже когда-нибудь найдешь такую цель, ведьмак. Даже те, которые отличаются, могут выжить. Прощай, Геральт. Прощай, Йеннифэр.

Чародейка, сильнее схватив руку ведьмака, снова присела. Виллентретенмерт встал, взглянул на нее, и лицо у него посерьезнело.

– Прости за откровенность и прямолинейность, Йеннифэр. Это написано на ваших лицах, мне даже нет нужды читать ваши мысли. Вы созданы друг для друга, ты и ведьмак. Но ничего из этого не получится. Ничего. Мне жаль.

– Знаю. – Йеннифэр слегка побледнела. – Знаю, Виллентретенмерт. Но и я хотела бы верить, что нет пределов возможному. Или хотя бы в то, что они еще очень далеки.

Вэя, подойдя, коснулась плеча Геральта, быстро произнесла несколько слов. Дракон рассмеялся.

– Геральт, Вэя говорит, что долго будет помнить бадью «Под Задумчивым Драконом». Она рассчитывает на то, что мы еще когда-нибудь встретимся.

– Что-что? – спросила Йеннифэр, прищурившись.

– Ничего, – быстро ответил ведьмак. – Виллентретенмерт?

– Слушаю тебя, Геральт из Ривии.

– Ты можешь принять любую форму? Любую, какую пожелаешь?

– Да.

– Почему же человека? Почему Борха с тремя галками в гербе?

Дракон дружески улыбнулся.

– Не знаю, Геральт, при каких обстоятельствах впервые встретились давние предки наших рас. Но факт в том, что для драконов нет ничего более отвратительного, чем человек. Человек пробуждает в драконах инстинктивное, нерациональное отвращение. Со мной дело обстоит иначе. Мне... вы симпатичны. Прощайте.

Это не было постепенное, расплывающееся преобразование, не туманное, пульсирующее дрожание, как при иллюзии. Это было словно мгновение ока. В том месте, где только что стоял курчавый рыцарь в накидке, украшенной гербом с тремя черными птицами, сидел золотой дракон, красиво изогнувший длинную шею. Склонив голову набок, дракон распростер крылья, ослепительно золотые в лучах солнца. Йеннифэр громко вздохнула.

Вэя, уже в седле, рядом с Тэей, махнула рукой.

– Вэя, – сказал ведьмак. – Ты была права.

– Хм?

– Он самый красивый.

Осколок льда

1

Дохлая овца, распухшая и вздувшаяся, нацелившаяся в небо окостеневшими ногами, пошевелилась. Геральт, сидевший на корточках у стены, медленно вытащил меч, следя за тем, чтобы клинок не звякнул об оковку ножен. В десяти шагах от него куча отбросов неожиданно взгорбилась и заколебалась. Ведьмак вскочил прежде, чем до него дошла волна вони, исторгнутой из порушенного скопища мусора и отбросов.

Оканчивающееся веретенообразным утолщением шипастое щупальце, неожиданно вырвавшееся из-под мусора, устремилось к нему с невероятной скоростью. Ведьмак мгновенно запрыгнул на останки разбитого шкафа, балансирующие на куче гнилых овощей, удержал равновесие, одним коротким движением меча рассек щупальце, отрубив палицеобразную присоску. И тут же отскочил, но, поскользнувшись на досках, по бедра погрузился в вязкую массу.

Куча словно взорвалась, вверх взвились густая вонючая жижа, черепки горшков, прогнившее тряпье и бледные ниточки квашеной капусты, а из-под них вырвалось огромное веретенообразное, бесформенное, как гротескная картофелина, тело, стегающее воздух тремя щупальцами и культей четвертого.

Геральт, увязший и лишенный возможности двигаться, ударил с широкого разворота бедер и гладко обрубил другое щупальце. Два последних, каждое с добрую ветку толщиной, тяжело упали на него, еще глубже вбивая в помойку. «Картофелина» двинулась к нему, пропахивая борозду, словно влекомая силой бочка. Он увидел, как она лопается, разевая широкую пасть, заполненную огромными неровными зубами.

Он позволил щупальцам схватить себя и, с чавканьем вырвав из смердящего месива, потащить к телу, вращательными движениями вгрызающемуся в помойку. Зубастая пасть дико и яростно зачавкала. Оказавшись рядом с жуткой пастью, ведьмак ударил мечом, ухватившись за него обеими руками, сталь вошла плавно и мягко. От тошнотворно сладкой вони перехватило дыхание. Чудище зашипело и задергалось, щупальца отпустили добычу, конвульсивно заплясали в воздухе. Геральт, погрязая в отходах, рубанул ее еще раз, наотмашь, острие отвратно заскрипело и заскрежетало по ощерившимся зубам. Существо забулькало и осело, но тут же раздулось, шипя, брызгая на ведьмака вонючим месивом. Нашупав опору отчаянными движениями увязающих ног, Геральт вырвался, бросился вперед, расталкивая отходы грудью, словно пловец воду, рубанул изо всей силы сверху, всем весом навалился на острие, входящее в тело чудища между фосфоресцирующими белыми глазищами. Чудище булькающе застонало, задергалось, разливаясь по куче отбросов, словно проколотый пузырь, разя ощутимыми теплыми волнами смрада. Щупальца вздрагивали и извивались среди гнили и мрази.

Ведьмак выбрался из гущи, встал на покачивающемся, но твердом основании. Почувствовал, как что-то липкое и отвратительное, что проникло в башмак, ползет по лодыжке. «К колодцу, – подумал он. – Поскорее отмыться от этой мерзости. Отмыться». Щупальца еще раз шлепнули по отбросам, громко и мокро, и замерли.

Упала звезда, секундной молнией оживив черный, усеянный огоньками небосвод. Ведьмак не загадал желания.

Он тяжело, хрипло дышал, чувствуя, как кончается действие принятых перед борьбой эликсиров. Прилегающий к стенам города гигантский сборник мусора и отходов, уходящий отвесно к поблескивающей ленте реки, при свете звезд выглядел красиво и привлекательно. Ведьмак сплюнул.

Чудище было мертво, уже стало частью той кучи, в которой некогда обитало.
Упала вторая звезда.
– Помойка, – с трудом проговорил ведьмак. – Мерзость, дрянь и дерьмо.

2

– От тебя зверски несет, – поморщилась Йеннифэр, не отрываясь от зеркала, перед которым смывала краску с век и ресниц. – Искупайся.

– Воды нет, – сказал он, заглянув в ведро.

– Чепуха. – Чародейка встала, широко распахнула окно. – Какую желаешь: морскую или обычную?

– Для разнообразия морскую.

Йеннифэр резко раскинула руки, выкрикнула заклинание, проделав короткое движение. В раскрытое окно вдруг повеяло насыщенной морской прохладой, створки дрогнули, и в комнату со свистом ворвалась зеленая, собранная в неправильной формы шар водяная пыль. Лохань запенилась волнующейся, бьющей о края, плещущей на пол водой. Чародейка вернулась к прерванному занятию.

– Ну как? Успешно? – спросила она. – Что там такое было, на свалке?

– Думается, риггер. – Геральт стащил башмаки, скинул одежду и опустил ноги в лохань. – Черт, Йеннифэр, холодно. Не сможешь согреть?

– Нет. – Чародейка, приблизив лицо к зеркалу, с помощью стеклянной палочки капнула себе что-то в глаз. – Такое заклинание ужасно утомляет и вызывает у меня тошноту. А тебе после эликсиров холодная вода на пользу.

Геральт не спорил. Спорить с Йеннифэр было бесполезно.

– Трудно было? – Чародейка погрузила палочку во флакончик и капнула в другой глаз, смешно скривив рот.

– Ничего особенного.

Из-за раскрытого окна долетел грохот, треск ломаемого дерева и голос, фальшиво, нескладно и нечленораздельно повторяющий припев популярной непотребной песенки.

– Риггер. – Чародейка потянулась к очередному флакончику из стоящей на столе солидной батареи, вынула пробку. В комнате запахло сиренью и крыжовником, – Времена настали! В городе и то легко найти работу для ведьмака. Нет нужды таскаться по пустырям. Знаешь, Истредд утверждает, что это становится правилом. Место вымирающих в лесах и болотах существ занимает что-то другое, какая-то новая мутация, приспособленная к искусственной, созданной людьми среде.

Геральт, как всегда, поморщился при упоминании об Истредде. Он уже пресытился постоянными ахами и охами Йеннифэр по поводу гениальности Истредда. Даже если Истредд был прав.

– Истредд прав, – продолжала Йеннифэр, втирая в щеки и веки нечто, пахнущее сиренью и крыжовником. – Посуди сам, псевдокрысы в каналах и подвалах, риггеры на свалках, пласкуны в загаженных рвах и стоках, прудовики в мельничных прудах. Какой-то симбиоз получается, не думаешь?

«И гули на кладбищах, пожирающие покойников на следующий же день после похорон, – подумал Геральт, споласкивая мыльную пену. – Полный симбиоз. Точно».

– Да. – Чародейка отставила флакончик и баночки. – В городах тоже можно найти занятие для ведьмака. Думаю, когда-нибудь ты наконец осядешь в каком-нибудь городе.

«Скорее меня удар хватит», – подумал он. Но вслух не сказал.

Противоречить Йеннифэр значило довести дело до скандала, а скандалить с Йеннифэр было небезопасно.

– Ты закончил, Геральт?

– Да.

– Вылезай из лохани.

Йеннифэр, не вставая, небрежно махнула рукой и проговорила заклинание. Вода из лохани вместе с той, что разлилась по полу и стекала с Геральта, собралась в полупрозрачный шар и со свистом вылетела в окно. Послышался громкий плеск.

– А, чтоб вас, сукины дети! – долетел снизу сердитый возглас. – Некуда, что ли, обмылки плескать? Чтоб вас вши живьем зажрали, чтоб вас сказило, чтоб вы сдохли!

Чародейка прикрыла окно.

– Черт поberi, Йен, – захохотал ведьмак. – Могла бы откинуть подальше.

– Могла, – буркнула она. – Да не хотела.

Йеннифэр взяла со стола светильник и подошла к Геральту. Белая ночная рубашка, повторяющая все движения тела, делала ее невероятно привлекательной. «Больше, чем будь она голой», – подумал он.

– Хочу тебя осмотреть, – сказала она. – Риггер мог оцарапать.

– Но не оцарапал. Я бы почувствовал.

– После эликсиров? Не смейся. После эликсиров ты не почувствуешь и открытого перелома, пока торчащая кость не станет цепляться за живые изгороди. А на риггере могло быть все, до столбняка и трупного яда включительно. В случае чего еще не поздно противодействовать. Повернись.

Он чувствовал на теле мягкое тепло светильника, случайные прикосновения ее волос.

– Вроде бы все в порядке, – сказала она. – Ляг, пока эликсиры не свалили с ног. Эти смеси чертовски опасны. Ты день ото дня постепенно убиваешь себя.

– Я вынужден принимать их перед дракой.

Йеннифэр не ответила. Снова присела к зеркалу, медленно расчесала черные, крутые, блестящие локоны. Она всегда расчесывала волосы перед тем, как лечь в постель. Геральт считал это чудачеством, но обожал наблюдать за ней во время этой процедуры и подозревал, что Йеннифэр это знала.

Ему вдруг стало очень холодно, а эликсиры буквально лихорадили его, немела шея, по низу живота ходили водовороты тошноты. Он выругался под нос, свалился на кровать, не переставая при этом глядеть на Йеннифэр.

Шевеление в углу обратило на себя его внимание. На криво прибитых к стене, покрытых тенетами оленьих рогов сидела небольшая, черная как смоль птица и, наклонив голову, глядела на ведьмака желтым неподвижным глазом.

– Что это, Йеннифэр? Откуда оно вылезло?

– Что? – повернула голову Йеннифэр. – Ах, это? Пустельга.

– Пустельга? Пустельги бывают рыжевато-крапчатые, а эта черная.

– Это магическая пустельга. Я ее сделала.

– Зачем?

– Нужно, – отрезала Йеннифэр. Геральт не стал задавать вопросов, знал, что Йеннифэр не ответит.

– Идешь завтра к Истредду?

Чародейка отодвинула флакончик на край стола, спрятала гребень в шкатулку и закрыла дверцы трельяжа.

– Иду. Утром. А что?

– Ничего.

Она легла рядом, не задув светильника. Она никогда не гасила свет, не терпела спать в темноте. Светильник ли, фонарь ли, свеча ли должны были догореть до конца.

Всегда. Еще одно чудачество. У Йеннифэр было невероятно много чудачеств.

– Йен?

– А?

– Когда мы уедем?

– Не нуди. – Она дернула перину. – Мы здесь всего три дня, а ты задаешь этот вопрос по меньшей мере трижды в день. Я сказала, у меня здесь дела.

– С Истреддом?

– Да.

Он вздохнул и обнял ее, не скрывая намерений.

– Эй, – шепнула она. – Ты же принимал эликсиры...

– Ну и что?

– Ну и ничего. – Она захихикала, словно малая девчушка, прижалась к нему, выгнувшись и приподнявшись, чтобы скинуть рубашку. Восхищение ее наготой, как всегда, отозвалось у него дрожью в спине, мурашки побежали по пальцам, соприкоснувшимся с ее кожей. Он дотронулся губами до ее груди, округлых и нежных, с такими бледными сосочками, что они выделялись только формой. Запустил пальцы в ее волосы, пахнущие сиренью и крыжовником.

Она поддавалась его ласкам, мурлыча, как кошка, терлась согнутым коленом о его бедро.

Вскоре оказалось – как обычно, – что он переоценил свою сопротивляемость магическим эликсирам, забыл об их вредном влиянии на организм. «А может, и не эликсиры, – подумал он, – может, утомление, на которое я уже рутинно не обращаю внимания? Но организм, хоть и подправленный искусственно, не поддается рутине. Реагирует естественно. Только беда в том, что происходит это тогда, когда не надо. Зараза!»

Но Йеннифэр – как обычно – не пала духом из-за каких-то пустяков. Он почувствовал, как она касается его, услышал, как мурлычет тут же около его уха. Как обычно, он невольно подумал о космическом множестве других okazji, во время которых она наверняка не упускала случая воспользоваться этим весьма практическим заклинанием. А потом – перестал об этом думать.

Как обычно – было необычно.

Он смотрел на ее губы, на их уголки, дрожащие в безотчетной улыбке. Он хорошо знал эту улыбку, она всегда казалась ему скорее улыбкой триумфа, нежели счастья. Он никогда не спрашивал ее об этом. Знал, что не ответит.

Черная пустельга, сидевшая на оленьих рогах, встряхнула крыльями, щелкнула кривым клювом. Йеннифэр повернула голову и вздохнула. Очень тоскливо.

– Йен?

– Ничего, Геральт, – поцеловала она его. – Ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.